

# Пикник на острове сокровищ

**Автор:**

Дарья Донцова

Пикник на острове сокровищ

Дарья Донцова

Джентльмен сыска Иван Подушкин #12

Иван Павлович Подушкин снова оказался в эпицентре событий! Его друг Егор Дружинин – большой любитель экстремальных развлечений – внезапно скончался. И вот ночью после похорон Ваню разбудил телефонный звонок. Звонил... Егор и слезно умолял достать его из могилы. Ополлоумевший от ужаса Подушкин помчался на кладбище и отрыл Егора. Тот рассказал, что хотел «прикольно» пошутить – устроить собственные похороны, а потом «воскреснуть» на поминках. Представляете реакцию скорбящих! Но четко разработанный сценарий дал сбой – устроители «забавы» не откопали гроб. Егор просит Ваню скрыть, что он жив, и найти тех, кто решил таким жутким способом убить его. Конечно же, Ваня не может отказать другу, но он сам попал как кур во щи – его маменька Nicolette скоропостижно... вышла замуж...

Дарья Донцова

Пикник на острове сокровищ

Глава 1

В пятницу вечером мне позвонил Егор Дружинин и воскликнул:

– Вань, какие планы на выходные?

Я зевнул, отложил книгу и честно признался:

– Никаких, я намеревался субботу проваляться на диване с книгой, а воскресенье просидеть в кресле перед телевизором.

– Совсем ты стух, – сказал Егор. – Что за пенсионерские забавы? Давай замутим историю!

– Видишь ли, – я осторожно попытался образумить Дружинина, – всю неделю я носился галопом по разным адресам и устал, поэтому...

– Нора распутывала очередное дело? – перебил меня приятель. – Щелкала мозгами и не жалела ног, то бишь тебя?

– Верно, – вздохнул я, – на редкость суетливая неделя выдалась.

– И какие успехи? – поинтересовался Дружинин.

– Слава богу, все закончилось нормально, и теперь у меня есть два законных дня отдыха! – воскликнул я.

– Значит, ничто не мешает тебе отправиться со мной на рыбалку?

– Ты забыл, что на дворе февраль? – напомнил я. – Холод, ветер, о каких карасях может идти речь!

Если честно, я не большой любитель загородных прогулок, все эти пикники и походы на байдарках не для меня. Нет, я, конечно, с удовольствием съем свежеприготовленный шашлык, при условии, что мангал находится на заднем дворе комфортабельного загородного дома, где есть ванная и гостиная с мягкими креслами. Но предпочитаю, полакомившись мясом на углях, отправиться домой и спать в собственной кровати. Я некомфортно чувствую себя в чужих хоромах, не способен расслабиться там, где все не мое, неудобное, непривычное. А вот Егор другой, мы с ним дружим с того времени, как я пришел на работу в журнал «Литературный Восток». Дружинин постоянно мотался по

командировкам, чем очень выручал вашего покорного слугу. Мне совершенно не хотелось тащиться ни в Самарканд, ни в Алма-Ату или еще куда-то. Из путешествий Егор возвращался с горящим взглядом, шлепал мне на стол очередной сувенир и вздыхал:

– Ваня! Ты не представляешь, какой это кайф! Такая обалденная рыбалка (охота, сплав по реке, ловля бабочек, танцы с верблюдами)! Неужели тебе нравится киснуть в этой каморке, глядя сквозь пыльное окно на город, наполненный машинами и толпами людей?

Я разводил руками. Способен ли домашний кот понять своего бродячего собрата? Может, у второго жизнь и полна интересных переживаний, но у первого нет ни малейшей охоты носиться по чердакам и крышам в поисках приключений. Каждому свое, это еще древние философы заметили.

Вам кажется странным, что при таких кардинальных различиях в характере мы с Егором приятельствуем? Но мы не совпадаем лишь в отношении к путешествиям, а в остальном похожи, как братья: читали одни и те же книги и одинаково реагируем на внешние раздражители. Егор верный и надежный человек, он из тех, с кем можно пойти в разведку, Дружинин не бросит вас, раненного, в лесу, а потащит на себе. Во всяком случае, я в этом уверен, хотя жизнь, слава богу, не устраивала нам подобных жестких проверок. Я считаю Егора одним из лучших своих друзей, вот только его любовь к экстриму не разделяю. Впрочем, рыбалка и охота – это относительно мирные увлечения, хотя убийство ни в чем не повинного, рыдающего от ужаса животного кажется мне отвратительным. Намного хуже другие забавы Егора: сплав по бурной реке верхом на бревне, затяжной прыжок с невероятной высоты, гонки на мотоцикле по пустыне, без рации и запаса воды. С каждым разом приключения Дружинина становятся все более и более опасными. Егор похож на наркомана, который, подсев на героин, вынужден для получения кайфа постоянно увеличивать дозу отравы. Никакие мои доводы вроде: «Спускаться по горному склону на скейтборде без палок и шлема на голове очень опасно», – на приятеля не действуют, он реагирует на справедливые замечания просто гениально: широко распахивает глаза и по-детски наивно восклицает:

– Почему?

И как ответить на подобный вопрос? «Потому что ты можешь искалечиться или погибнуть»? Произнося это, я напоминаю сам себе престарелого дедушку,

этакого брюзгливого старичка после трех инсультов, который, скрючившись в инвалидном кресле, выговаривает шепотом пятилетнему внуку:

– Эх, малыш, ну почему тебя все время тянет бегать и прыгать? Нет бы взять пример с меня и сидеть тихо!

Поэтому я перестал нервно хвататься за сигареты, услышав от Егора очередное сообщение вроде: «Завтра уезжаю в отпуск, приму участие в восхождении на Эльбрус, мы наденем на ноги ласты, на голову противогазы, а продукты и палатки не возьмем».

Ну какой смысл предостерегать приятеля? Он все равно осуществит задуманное. Единственное, что мне остается, – это, посадив друга в самолет, на всех парах нестись в церковь к нашему общему знакомому отцу Иоанну, который до принятия сана тоже работал в «Литературном Востоке», и заказывать молебен о здравии раба божьего Егора. Я не принадлежу к когорте истово верующих людей, но, как всякий русский человек, попав в тупиковую ситуацию, пытаюсь договориться с господом.

Пару лет назад Егор женился. Я было обрадовался: молодая супруга должна отвлечь Дружинина от экстремальных забав. Но выяснилось, что Лена полностью разделяет увлечения супруга. Познакомились они, когда Егор занялся дайвингом, при довольно комических обстоятельствах. На пляже к Дружинину подошла милая девушка и робко попросила:

– Извините, пожалуйста, вижу, вы профессионал в подводном плавании, а я только начинаю, дайте мне совет.

– Рад буду помочь, – галантно улыбнулся Егор.

Незнакомка потупилась и протянула ему маску.

– Не посмотрите, может, она сломана или плохого качества?

– Нормальная вроде, – пожал плечами Дружинин, – а в чем проблема?

– Вода постоянно заливается внутрь.

– А как вы ее надеваете? – заинтересовался Егор. – Сделайте одолжение, продемонстрируйте.

– Да очень просто, – протянула девушка, – вот так, хоп!

Дружинин постарался не расхохотаться.

– В принципе верно, – сдерживая смех, сказал он. – Только надо снимать солнечные очки, зачем они вам под водой?

Пару секунд девушка напряженно сопела, потом, топнув стройной ножкой, воскликнула:

– Ой, ну и дура же я!

Столь редкостное для представительниц слабого пола умение адекватно оценить себя удивило Егора, к тому же собеседница была хороша собой. Вспыхнул ни к чему не обязывающий курортный роман, завершившийся маршем Мендельсона. Мои надежды на то, что наконец-то друг остепенится и перестанет рисковать жизнью, не оправдались: безголовую Лену приводят в бурный восторг адреналиновые игры мужа, она считает их «прикольными».

– Значит, едем! – вернул меня к действительности Егор.

– Куда? – испугался я.

– Вань! Ты меня не слушал, – возмутился приятель. – Распинаюсь тут целых полчаса, объясняю, растолковываю, а ты «кудакаешь». Завтра в шесть утра я заеду за тобой, будь готов.

Из моей груди вырвался протяжный стон, который при желании можно было принять за согласие участвовать в безумной затее. А как еще назвать зимнюю рыбалку? На милое времяпрепровождение она явно не тянет.

– Отлично, – обрадовался Егор, – я так и знал, что ты захочешь сделать мне подарок на день рождения.

На этот раз я сумел вовремя проглотить возглас удивления. Действительно, я совершенно забыл, что Дружинин появился на свет девятого февраля.

– Лучший презент, – радовался тем временем друг, – это поездка вместе с тобой на рыбалку. О'кей?

И что бы вы ответили в подобной ситуации?

– О'кей, – обреченно выдавил я из себя, – только у меня нет необходимой амуниции.

– Не беспокойся, – с жаром воскликнул Егор, – я привезу все нужное с собой!

И вот сейчас, облаченный в странный костюм и куртку защитного цвета, я трясусь в джипе, который Егор специально приобрел для подобных прогулок. Забыл сказать, что в отличие от меня Дружинин весьма успешен в бизнесе и не стесняется в тратах.

– Это где-то тут, – показывая пальцем в карту, с некоторым сомнением заявил Егор.

– Ты не знаешь, где место рыбалки? – удивился я.

Егор помотал головой:

– Нет.

– Мы едем невесть куда?

– Почему? На озеро Красное, – объяснил Егор, – мне Леша маршрут начертил, шоссе, затем налево, потом лес, а дальше будет большое поле с канавой и за ним озеро. Там знатная рыбалка. Лешка на днях ездил, привез грузовик рыбы. Так, нам вроде сюда!

Джип бойко заскакал по кочкам, я поежился. Ну зачем нормальному человеку трехтонка со щуками? Куда столько? Вполне хватит одной рыбки, чтобы наесться, и ту лучше «выловить» в соседнем супермаркете. Надеюсь, Егор не захочет, вытащив пару-тройку несчастных окуньков, тут же зажарить их на костре? Я, конечно, не сумел отказать человеку в его день рождения, принял участие в дурацкой забаве, но всему есть предел.

– Ваня! – восторженно ахнул Егор. – Приехали! Смотри, какой восторг!

Я глянул в окно. Серые плотные тучи мрачно нависали над заснеженной землей. По берегам покрытого льдом озера высились чахлые елки, заваленные снегом, поодаль виднелась покосившаяся на правый бок водокачка.

– А воздух! – впал в раж Егор. – Вань, ну-ка вдыхай!

С этими словами он раскрыл дверь машины и выскочил наружу. Я вздрогнул, холодный промозглый воздух ринулся в салон джипа, мое настроение опустилось до нуля.

– Ты уверен, что мы прибыли на волшебное озеро? – мрачно поинтересовался я, учуяв «аромат» навоза.

– Ваня, – с укоризной воскликнул Дружинин, – я по пустыне с картой ездил, а там вообще не было никаких ориентиров, хуже, чем в море. Ясное дело, вот оно, Красное озеро, перед нами! Пошли!

Через полчаса Егор ухитрился полностью оборудовать место рыбалки. На льду, посередине замерзшего пространства, возникла палатка, с невероятной быстротой приятель провертел лунки, усадил меня на раскладной стульчик, сам пристроился невдалеке и хищно воскликнул:

– Ну, с богом! Давай, Ваня, новичкам везет.

Я кивнул и съежился под здоровенным тулупом, которым Егор заботливо прикрыл меня. Как ни странно, мне не было холодно, непритязательные с виду костюм и куртка оказались уютными, не пропускали наружу тепло и не давали холоду проникнуть внутрь. На ногах у меня были здоровенные валенки с

калошами, на голове ушанка, а руки прятались в пуховых варежках. Да еще перед началом лова мы глотнули из фляжки элитного коньяку, предусмотрительно прихваченного Егором, мне такой решительно не по карману.

Я сгорбился над лункой, сжимая удище. Чуть поодаль, похожий на нахохлившегося ворона, сидел Егор. Полчаса прошло в тягостном молчании, мне стало тоскливо. Интересно, как долго нам предстоит куковать на льду? До вечера? И зачем я согласился на эту муку. Отчего не придумал какую-нибудь достойную причину, по которой не могу поехать на рыбалку?

Неожиданно около нас возник мужик с тюком в руках.

– Чаво тута делаете? – воскликнул он.

Идиотизм вопроса поразил меня. Ну чем может заниматься человек с удочкой в руках над проверченным во льду отверстием? Ясное дело, он рисует натюрморт! Но тут я учуял густой запах перегара, и стало ясно, что селянин пьян.

– Чаво молчишь? – не успокаивался мужик.

– Ступайте, любезный, – вежливо попросил я, – не мешайте, рыбу распугаете.

Абориген икнул и удалился, пошатываясь. На смену ему явилась бабенка с пакетом.

– Эй! – крикнула она. – Чего-нибудь интересное нашли?

Я сделал вид, что не слышу вопроса. Противно хихикая, молодка исчезла.

Спустя полчаса бесцеремонность деревенских жителей стала нас утомлять, озеро оказалось совсем не уединенным местом. По льду туда-сюда сновали люди, очевидно, это был самый короткий путь между населенным пунктом и магазином. Все прохожие вели себя вначале одинаково, они замирали около меня, отчего-то Егора не тревожили, и задавали один и тот же вопрос:

– Чего тут делаете?

Услыхав ответ: «Ловлю рыбу», любопытные прыскали в кулак и, довольные собой, продолжали путь. Когда все повторилось в пятый раз, я разозлился, но потом вдруг сообразил, что ни одной рыбешки мы не вытащили, клева на замечательном, разрекламированном незнакомом мне Алексеем озере нет никакого, да еще по льду проложена народная тропа. Сейчас Егору надоест восседать попусту на морозе, и он даст команду сматывать удочки, в прямом и переносном смысле слова. Вот только интересно, как скоро у Дружинина иссякнет терпение?

– Эй, милоч, – прошамкали сбоку.

Я повернул голову и увидел бабку, лет ста с виду.

– Чево делаете? – задала традиционный вопрос бабуля.

– Рыбу ловим, – стандартно ответил я, одним глазом косясь на Егора.

Кажется, именинника стало раздражать местное население, до сих пор сидевший в одной позе Дружинин повернул голову и с явным неодобрением воззрился на бабку.

– Какую рыбу? – не успокоилась та.

– Ну... щуку, – объяснил я, – окуня, карася... не знаю, что в местных водах водится, может, судак!

Бабуля ехидно засмеялась.

– Господь с тобой, касатик, какая здесь рыбешка!

– Слышь, бабка, канай отсюда! – рявкнул Егор. – Не приставай, мы тебе не мешаем, и ты нам не мешай рыбу ловить.

– Так не там вы сели, – забубнила старуха, которую совсем не обидел грубый тон Дружинина, – рыба-то в озере водится.

– Ой, спасибо, – скривился Егор, – что объяснили, а то мы не знали! Огромная вам благодарность за дельное замечание.

– Рыба-то на озере водится, – с упорством, достойным лучшего применения, гундела бабуса.

– А мы где, по-твоему, сидим, – вышел из себя Дружинин, – на кухне?

– Нет, – засмеялась она, – на поле!

– Где? – в один голос воскликнули мы с приятелем.

– Так тута поле замерзшее, – миролюбиво прошамкала бабуля, – его по осени подтапливает, а потом замораживает.

Мы с Егором молча уставились друг на друга.

– Старуха путает, – наконец отмер Дружинин, – я по карте ехал, между прочим, до сих пор никогда не ошибался. И вообще, если это заледеневшая пашня, то каким образом у нас крючки с леской провалились?

– А здесь, милок, канава, – охотно пояснила бабулька, – вы аккурат над ней и устроились, озерцо дальше, следующий поворот налево. Уж извиняйте, если от дел оторвала, только на вас наши пальцем тычут и ржут: глядите, умора, два городских дурака на поле удить устроились, да так основательно расположились, с палаткой.

Егор вскочил и кинулся собирать снасти, меня душил смех, но я старался не расхохотаться во весь голос, потому что Дружинину ситуация вовсе не казалась забавной.

– Мерзавцы, – шипел приятель, складывая палатку, – пакостники, ходили мимо и веселились, никому в голову не пришло правду сказать! И вовсе я не запутался! Просто карта старая, там эти уголья не обозначены. Нет, ты только подумай, Ваня! Я пытался поймать рыбу в поле!

Секунду Егор стоял молча, потом швырнул палатку на лед, сел на нее сверху и начал хохотать как безумный, я тоже не выдержал и присоединился к нему.

– Нет, если кому рассказать, не поверят, – стонал Егор, – так не бывает, это круче, чем скачки на козлах. Ладно, едем к озеру!

– Может, не надо? – с робкой надеждой спросил я. – Мы уже славно подышали воздухом, поудили!

– Так мы еще, как выяснилось, и не начинали, – хмыкнул Егор, и тут у него зазвонил сотовый.

Приятель вытащил телефон и с раздражением спросил:

– Ленуся, ты где? Доехала до Маринки? Говори громче...

Очевидно, связь прервалась, потому что Дружинин сунул сотовый в карман и повернулся ко мне.

– Лена порулила к своей подруге Марине Редькиной на дачу. Мы с ней решили не праздновать мой день рождения, дата некруглая, зачем застолье? Да и не люблю я тупое сидение на одном месте, лучше уж на рыбалку податься, правда, Вань?

Я машинально кивнул, хотя, на мой взгляд, как раз рыбалку иначе чем тупым сидением на одном месте и не назовешь.

– Сейчас мы с тобой... – завел было Егор, и тут его снова перебил мобильный.

Дружинин вытащил верещащий аппарат.

– Ну, Лена, говори громче. Что? Как? Куда?

В его голосе зазвучала такая тревога, что я невольно испугался. Похоже, в семье Дружининых явно случилась какая-то неприятность.

## Глава 2

– Так, – твердил Егор, бледнея на глазах, – ага, понял, Брусникино. Ты уверена? Ладно. Дом с зелеными ставнями? Ага, ага, уже несемся, я с Ваней, он поможет!

– Что случилось? – воскликнул я, когда бледный Егор кинулся подбирать палатку.

– У Ленки не завелась машина, – быстро объяснял Егор, сматывая удочки, – жена заказала такси, оно прибыло вовремя, но на заднем сиденье оказалось две женщины с букетом цветов. Водитель извинился, сказал, что это его сестра и жена, которым надо в гости. Ленка неконфликтный человек, она не стала ругаться, хотела сесть на переднее сиденье, и тут одна из баб попросилась в туалет.

Я, потеряв дар речи, слушал приятеля. Похоже, Лена совсем безголовое существо, раз не отказалась от услуг таксиста, прибывшего по заказу с родственницами, да еще впустила абсолютно незнакомого человека в квартиру. Очутившись в прихожей, бабенка вытащила из цветов пистолет. В общем, из дома бандиты вынесли все деньги и драгоценности и, завязав Лене глаза, втащили ее в такси и увезли неизвестно куда.

Правда, в машине Елене удалось слегка сдвинуть повязку, и она сумела прочесть название местечка, куда ее доставили грабители. Это была деревня Брусникино. Мерзавцы завели жену Егора в избу с зелеными ставнями и сунули в подвал, где дурочка сейчас и сидит. По счастливой случайности вору забыли отобрать у жертвы мобильный телефон, но у Лены вот-вот разрядится батарейка – и кирдык связи. Последнее, что она успела, – это внятно повторить адрес – Брусникино, съезд с Волоколамского шоссе около второй бензозаправки от МКАД, дом с зелеными ставнями.

– Давай, давай, – торопил меня Егор, – хорошо бы нам за час добраться!

– Погоди, – попытался я остановить Дружинина, – не спеши.

– С ума сошел? – заорал Егор. – Ленка там одна! Не ровен час бандюки вернутся.

– Так об этом и речь! Мы не сумеем ее спасти! – воззвал я к его рассудку. – Следует обратиться в милицию.

– Некогда, надо действовать, – ответил Егор.

– У грабителей есть пистолет, – напомнил я.

– А у нас монтировка, лопата, коловорот и много еще такого, чем можно голову проломить и руки-ноги перебить! – азартно воскликнул Егор. – Ментов придется сутки ждать! Ты чего, боишься? Полезай в машину, я высажу тебя по дороге и помчусь к Ленке.

Я покачал головой. Ясное дело, я боюсь, но не потому, что трус, а просто в отличие от Егора я не потерял способности здраво мыслить и великолепно понимаю, что против пули никакой лом не поможет. Кроме того, я никогда не дрался, даже в детстве предпочитал решать конфликты вербально. В конце концов, это крайне не интеллигентно – использовать монтировку в качестве аргумента в споре.

– Можно позвонить Макс, – выдавил я из себя, – Воронову.

Егор захлопнул багажник.

– Твоему другу-менту?

– Ты с ним тоже великолепно знаком, – напомнил я.

– Ваня, давай живей! Ты едешь?

– Да, – кивнул я, – естественно, я отправлюсь с тобой, но... видишь ли... э... э...

– Не мямли!

– Мне надо в туалет.

– Отливай тут!

– Я отойду к кустам.

– Ну ...! – выругался Егор. – Хорошо, только по-быстрому.

Я сайгаком доскакал до чахлых прутьев, торчащих изо льда, сделал вид, что расстегиваю брюки, вынул мобильный и, молясь, чтобы Макс оказался на месте, нажал на нужную кнопку.

– Воронов, – ответил друг.

– Господи, – вырвалось у меня, – вот счастье! Скорей, помоги... – И я изложил ему ситуацию.

Надо отдать должное Макс: в случае настоящей опасности он действует быстро и четко.

– Понял, – коротко отозвался приятель, – едем.

– Ваня! – заорал Егор, высовываясь из машины.

Я, спотыкаясь, помчался на зов. Леденящий ужас отступил. Слава богу, Макс уже несется на помощь, вдруг нам повезет, и он вместе с ОМОНОм явится в Брусникино раньше нас? И не надо думать, что я трус, просто считаю, что каждый человек должен делать свое дело. Беда, коли пироги начнет печь сапожник! Я замечательный секретарь и помощник Норы, кроме того, вполне успешно справляюсь с обязанностями сотрудника частного детективного агентства «Ниро», но, размахивая коловоротом, нестись на бандитов, вооруженных огнестрельным оружием, не хочу. Простите, но мне это не кажется забавным, а вот Егор, похоже, ощутил выброс адреналина, поэтому ему сейчас море по колено.

Похоже, нужные лица в небесной канцелярии услышали мои мольбы. Джип Егора почти беспрепятственно доехал до МКАД и только там попал в пробку.

– Какого черта стоим? – забарабанил пальцами по рулю Дружинин.

– Авария, – попытался я его успокоить, но добился противоположного эффекта.

– Козлы, – заорал Егор, – на лысой резине катаются!

– Может, у людей денег нет на хорошие шины!

– Уроды! – бесновался Дружинин. – Водку жрать они могут? А о собственной жизни не думают. Да если с каждой получки по сто баксов прятать, то за год не одни колеса можно купить для их металлолома! Кретины!

Я молча смотрел в окно. Первый раз услышал в голосе друга истерические нотки, до сих пор ко всему, что с ним приключалось, он относился с изрядной долей юмора. Даже сломав в трех местах ногу, Дружинин веселился и просил всех навещавших его расписываться на гипсе. Хотя до сегодняшнего дня неприятности происходили с самим Егором, а теперь в беду попала Лена.

Наконец, преодолев все заторы, мы добрались до Брусникина, маленького поселка с покосившимися домиками.

– Похоже, тут никто не живет, – нервно воскликнул Егор, – двери у домов нараспашку, окна выбиты, и дым из труб не идет.

– Ты не прав, – возразил я, – смотри, вот следы от машин, сюда приезжали, и, судя по всему, автомобиль был не один либо он сновал туда-сюда.

– Да? – насторожился Дружинин.

– Колея глубокая, – протянул я, – а вчера ночью шел снег, значит, кто-то недавно приезжал, иначе бы следы занесло. И вон там дымок струится.

– Где? Где? – занервничал Егор.

– Можешь вперед проехать? Не завязнешь?

Дружинин схватился за руль, мощный вездеход легко доехал до околицы.

– Дом с зелеными ставнями, – отчего-то шепотом произнес он, – там топят печь...

– И следы от колес ведут во двор, – подхватил я.

Не передать словами, как мне стало страшно! Поблизости не было ни одного человека, Макс, пообещавший помочь, очевидно, застрял в какой-нибудь пробке, а в избе топят. Наверяд ли бандиты решили позаботиться о комфортных условиях для своей пленницы, скорей всего, они планируют скоро вернуться в Брусникино.

– Ваня, вылезаем, – скомандовал Егор.

Больше всего на свете мне хотелось оказаться за тридевять земель от этой деревеньки или проснуться в своей комнате и понять: мне причудился кошмар. Но, увы, все происходило в действительности.

– На, – Егор сунул мне в руки какую-то железяку, – держи.

– Спасибо, – машинально ответил я.

– Через дверь пойдем?

– А как иначе? – удивился я.

– Окна есть, – напомнил Егор, – причем стекла в них целые. Ну?

– Я за тобой, – быстро сказал я, пытаюсь пошевелить пальцами ног, которые внезапно свела судорога.

– Ладно, – кивнул Дружинин, – если там кто из бандитов засел, наша задача ворваться внезапно, долбануть сволочей по башке, свалить их на пол и бить, пока не перестанут шевелиться, ясно? Ты готов?

– Дд-да, – прозаикался я, борясь с желанием заорать во все горло: «Нет!»

– Двигаем, – лихорадочно блестя глазами, велел Дружинин, – очень тихо, наша сила во внезапности, если атака неожиданна, она уже наполовину успешна. Ну, айн, цвай, драй!

Дверь в избу распахнулась без скрипа, мой нос ощутил неприятный запах, то ли сырости, то ли протухшей кислой капусты.

– Иди осторожно, – шепнул Егор, потом послышался шорох.

Я, вытянув вперед левую руку, мелкими шажками посеменил в кромешной тьме, ужас сковывал меня все сильнее и сильнее. Внезапно раздался грохот – очевидно, Егор налетел на пустое ведро, в ту же секунду вспыхнул свет и послышались громкие звуки, очевидно, бандиты начали строчить из пулемета: та-та-та.

От неожиданности и страха я зажмурился, машинально прикрыл голову руками, абсолютно забыв про зажатую в правом кулаке железку. Так я и знал, мы нарвались на засаду, единственное, на что остается надеяться, так это на ОМОН во главе с Максом. Может, они уже несутся по Волоколамскому шоссе?

Пулемет смолк, раздалась вопли.

– Ну ваще!

– Как мы тебя!

– Видал? Красота!

– Ура! Ура! Ура!

Кто-то схватил меня за плечо и бесцеремонно потряс.

– Эй, открывай глаза, супер вышло.

Я, окончательно перестав понимать что-либо, разлепил веки и попятился.

Под потолком ярко сияла лампочка, по углам комнаты стояли торшеры, из которых тоже бил свет. Через всю отнюдь не маленькую комнату, из угла в угол, тянулся транспарант, подвешенный на блестящих цепях. «С днем рождения, Егор!» – гласили крупные буквы, а внизу, под плакатом, сверкал хрусталем и фарфором длинный, шикарно сервированный стол, за которым сидели люди,

сияя радостными улыбками. Присутствующие выглядели словно лауреаты Нобелевской премии на балу у короля Швеции. Почти все мужчины были в смокингах, дамы сверкали обнаженными плечами, торжественный вид слегка портили дурацкие бумажные колпаки и круглые носы из поролона, которыми украсилось подавляющее большинство гостей. Но нелепее всех выглядела Лена.

На ней было снежно-белое платье, расшитое кристаллами от Сваровски, на ее шее переливалось бриллиантовое ожерелье, тяжелые серьги с камнями чистой воды оттягивали мочки ушей, а голову госпожи Дружининой украшал ярко-синий парик из фольги, а поверх него – красная бумажная кепка с зеленым помпоном.

– Милый, – подпрыгивала Лена, – ну как? Здорово мы тебя разыграли? А? Класс?

Я прислонился к косяку, чувствуя, как по спине течет пот. Значит, никакого ограбления и похищения не было и в помине. Идиотка Лена решила разыграть Егора, устроить ему «праздничек». Сейчас Дружинин, мчавшийся на всех парах в Брусникино, чтобы спасти супругу, отвесит кретинке пощечину, а я, противник любого насилия, впервые в жизни возьму сторону человека, который решил образумить вздорную бабу оплеухами.

Егор шагнул к жене, я невольно зажмурился и вдруг услышал радостный вопль друга:

– Ленка! Чума! Ну разыграла, ну круто!

– Ура! Ура! Ура! – вопили гости.

Я приоткрыл глаза и почувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Присутствующие находились в состоянии эйфории, всем было очень весело. Может, я на самом деле превратился в тухлый пень, брюзгу-пенсионера, вечно всем недовольного? Сколько здесь гостей? Человек двадцать, и все просто счастливы, один я пребываю в негодовании. И потом, крайне неудобно находиться в идиотском костюме рыбака, в валенках с калошами, среди людей в шикарных вечерних костюмах. Мало того, что Лена напугала нас, она еще и поставила меня с Егором в идиотское положение! Только, похоже, брезентовые штаны нисколько не напрягают Егора, он счастлив, как щенок, укравший конфету.

Словно почувствовав мое настроение, Дружинин закричал:

– Ваня! Ну приколы! Как мы с тобой сюда крались!

– Ха-ха, – вяло сказал я и сел в кресло, – весело до обморока.

И тут с воплем: «Всем оставаться на местах» – в избу влетели парни в камуфляжной форме.

Поднялся переполох.

– Мы так не договаривались, – визжала на одной ноте Ленка, остальные гости буквально рыдали от смеха. Егор, словно пятилетний мальчик, получивший вожделенную игрушку, запрыгал на месте, а одна из дам, очевидно, уже успевшая подкрепиться коньяком, схватила со стола бутылку, тарелку с пирожками и ринулась к омоновцам с писком:

– Хлеб, соль, мальчики, давайте тяпнем!

Парень, которому она сунула угощение, откровенно растерялся. Остальные омоновцы в пятнистой форме удивленно смотрели на стол и гостей. И тут в комнату вошел Макс.

– Ваня! – с яростью спросил он. – Это что такое?

– Вау! – завопила Лена, кидаясь ко мне. – А я считала тебя жуткой занудой, способным только портить людям компанию! Как ты узнал, что я задумала? Круто! Ты меня переплюнул! Снимаю шляпу!

– Ура! – завизжали гости.

– Наливай!

– За именинника!

– Ешьте, ребята.

– Эй, парни, тут всем хватит!

– Осетринки дайте!

– Хрен есть?

– Поросеночек хорош!

– Нельзя без тоста, мужики! За здоровье Егора! Ура!

– Ура-а!

– Пей до дна!

– Чегой-то там в красной бутылочке?

Я удивился тому, с какой скоростью омоновцы сообразили, что присутствующие не представляют для них никакой опасности, и с какой радостью стражи порядка присоединились к празднику. Озабоченными на пиру выглядели лишь трое: я, Макс и крепкий мужик в камуфляже – по-видимому, старший группы захвата.

– Живо объяснись! – велел мне Макс.

– Ей-богу, я сам ничего не знал! – воскликнул я и попытался оправдаться перед Вороновым.

Домой я попал около полуночи и рухнул в кровать. Нет, больше ни за какие пряники не соглашусь участвовать в рыбалке!

Спустя почти два месяца после описанных событий, опять в пятницу, где-то в районе одиннадцати вечера, ожил мой мобильный. Я с некоторой опаской вытащил сотовый и уставился на дисплей. Меньше всего мне хотелось беседовать с Николеттой, и вот спасибо, именно она-то и находится сейчас на другом конце провода. Прощай тихий вечер. Либо меня заставят поехать

невесть куда, либо капитально испортят настроение, потребовав: «Мне срочно нужны деньги, сущие копейки, всего десять тысяч долларов!»

– Алло, – стараясь придать голосу твердость, сказал я.

Зачем я отреагировал на звонок? Почему не оставил его без внимания, если хотел в тишине почитать замечательную книгу «История Вьетнама»? Все дело в том, что если маменька вспомнила о сыне, то последнего ничто не спасет.

Проигнорирую звонок я – Николетта примется разыскивать Нору, обрывать наш домашний телефон, приставать к Максу, обзванивать других моих приятелей. А Элеонора улетела на две недели в Америку, я получил неожиданный отпуск, который хочу провести в блаженном одиночестве! Но маменька не привыкла сдаваться, она всегда получает то, что хочет! Любой ценой!

– Вава, – воскликнула она, – ну как...

Я моментально отключил слух. Жизнь с Николеттой научила меня простому фокусу, причем исключительно из желания сохранить себя как физическую единицу: хочешь остаться в живых, не слушай мать, просто через определенные промежутки времени восклицай: «Ты абсолютно права!» или «Совершенно с тобой согласен!». Может, кто-то и посчитает мою позицию пораженческой, но я не из тех людей, которые всегда и везде хотят быть на коне, охотно уступлю маменьке, чтобы спокойно вернуться к «Истории Вьетнама».

– Значит, ты понял? – взвизгнула Николетта.

– Да, совершенно с тобой согласен, – на автопилоте ответил я.

– Записывай.

– Пишу, – покорно согласился я.

– Поезд номер...

Я потряс головой.

– Николетта, прости, ты о чем?

– Вава! Ты пропустил мои слова мимо ушей!

– Нет, но...

– Что «но»?

Я замер, простой вопрос выбил меня из колеи, действительно: что значит «но»?

– Повторяю для дураков, – заорала Николетта, – для людей, чьи уши заросли паутиной! Вава! Внимание! Начинаю! Сейчас же перестань издеваться надо мной!

Я вздохнул и сконцентрировался на разговоре.

### Глава 3

Вот краткий пересказ сообщения маменьки. У нее есть стародавняя приятельница Зюка, которая сейчас гостит в Париже у своей племянницы. У Зюки, в свою очередь, есть закадычная подруга Фаня, живущая в Питере, а у Фани – сестра Роза, ее дочь прибывает в Москву, чтобы принять участие в какой-то выставке. Роза едет не одна, а с родственником, коему вменено в обязанность приглядывать за неразумной девицей, так как в столице полно опасностей, маньяки по Москве ходят стадами, разве можно девочку одну отпускать ехать в столь опасное место. Роза попросила Фаню, та обратилась к Зюке, последняя созвонилась с Николеттой...

В общем, завтра около девяти утра мне нужно встретить поезд Петербург–Москва и в десятом вагоне, на седьмом и шестом месте найти некую Сонечку вкупе с Владимиром Ивановичем, а потом доставить эту парочку в частную гостиницу «Пента».

Надеюсь, вы понимаете, что я собирался провести утро выходного дня совершенно иначе? Я предполагал поспать до десяти, но спорить с Николеттой может лишь абсолютно сумасшедший человек, поэтому я покорно воскликнул:

– Хорошо!

– Надеюсь, тебе не следует объяснять, – не успокоилась Николетта. – Розочка в Питере имеет большой вес, она вхожа в разные дома. Фаня ее любимая сестра. Не забудь букет цветов для Сонечки, помой машину. Кстати, тебе лучше взять «Мерседес».

– Он не мой, – напомнил я.

– А чей? – прикинулась идиоткой маменька.

– Норин.

– Хорошо, я сама улажу этот вопрос, – взвизгнула Николетта, – главное, не проспи, не опоздай и не опозорь меня, не вздумай совать девочке три чахлые гвоздички, купи милую, не слишком дорогую композицию. Излишне вычурную не надо, это будет по-новорусски, абсолютно не интеллигентно. Вот что, поезжай сейчас в «Золотую розу», она работает круглосуточно, там вполне дешево, тысяч за двадцать можно купить вполне пристойный букетик.

– Двадцать тысяч чего? – вздрогнул я.

– Вава! Не будь идиотом! Ясное дело, рублей, – обозлилась Николетта, – я же говорила, что «Золотая роза» недорогая лавка.

На следующее утро, в восемь сорок пять, я бочком пробирался по узкому коридору вагона, прикрываясь букетом. Ясное дело, я не стал приобретать его в магазине, куда меня упорно направляла Николетта. Цветы в «Золотой розе» такие же, как везде, родом из Голландии. Думаю, хозяева пафосного магазина и небольшого ларька на вокзале закупают товар на одном складе. Просто в «Золотой розе» вам на упаковку наклеят фирменный значок, и человек из тусовки, бросив на него взгляд, мигом оценит стоимость веника. Но думаю, девочка из Петербурга не разбирается в наших московских тонкостях и обрадуется тюльпанам, которые я без всяких угрызений совести приобрел в вагончике у вокзала.

Дверь в купе оказалась закрытой, я постучал, сначала тихо, потом погромче, створка отъехала в сторону, высунулся мужик.

– Чего надо? – рявкнул он.

– Простите, Сонечка тут?

– А ты кто? – чудище слегка сбавило тон.

– Разрешите представиться, Иван Павлович Подушкин, сын Николетты Адилье, приятельницы Зюки, знакомой Фани...

– Дядя Вова, – прозвенел из купе нежный голосок, – это нас встречают, извини, забыла тебе сказать, мама попросила московских знакомых приехать на вокзал.

– А-а-а, – протянул мужик и улыбнулся: – Ну, заходите.

Слегка обескураженный приемом, я втиснулся в купе и увидел очень симпатичную девушку лет двадцати.

Длинные светлые волосы падали на худенькие плечи, большие голубые глаза прятались за густыми черными ресницами, нежный румянец цвел на щеках, алые губы напоминали бутоны.

Не следует упрекать меня в использовании лексики любовных романов – иных слов, чтобы описать юную прелестницу, у меня просто не нашлось. Незнакомку нельзя было назвать красавицей, и мне нравятся женщины иного типа: я принадлежу к мужчинам, которые делают стойку при виде стервозных дам. Уж не знаю почему, но я предпочитаю эгоистичных особ, обладательниц неумоно острого языка и безудержных мотовок. И ведь понимаю, что тихая «ромашка», мечтающая вдохновенно стряпать супругу обед и рожать детей, – наверняка самый лучший вариант жены. Но, увы, меня такие дамы не вдохновляют, мне охота греться у вулкана, я, мятежный, все бури прошу. И, что интересно, завоевав вожделенную даму, я начинаю мучиться, злиться на эгоизм партнерши, и в результате наш роман заканчивается разрывом. Отчего бы мне не оглянуться по сторонам и не обратить внимание на тихий, скромный полевой цветок?

Нет ответа. Хотя всем известно, что женщины бывают двух видов: с одними приятно проводить время, а на других принято жениться. Я же не созрел для брака. Вернее, мне на жизненном пути до сих пор не попался мой идеал. Я хочу, чтобы супруга любила меня бескорыстно, понимая: Иван Павлович занимается интересным делом за вполне приличную зарплату, на спокойную жизнь нам хватит, а вот на покупку «Бентли» не надо рассчитывать. Если вы хотите иметь коллекцию шуб, парк личных авто, раритетные бриллианты и загородные особняки – тут я пас. Еще моя избранница должна уяснить: мужу порой требуется уединение, не следует лезть к нему с сюсюканьем, если он сидит с книгой в кресле. Кроме того, я не слишком люблю гостей и ненавижу походы по магазинам, вот в интересной беседе поучаствую с удовольствием, только вряд ли сумею поддержать разговор на тему: «Какие клевые ботинки купила Наташка». Если же вы захотите обсудить книгу «История Вьетнама», я всецело в вашем распоряжении. Я честен и признаю, что совершенно не чадолюбив, не желаю обзаводиться потомством. Мысль о том, что род Подушкиных, уходящий корнями невесть в какие времена, оборвется в двадцать первом веке, абсолютно не пугает меня. Вот мой отец, известный писатель, как-то раз подшофе признался мне, что пошел с Николеттой в загс лишь по одной причине.

– Очень боялся, что твой дед восстанет из могилы и проклянет меня за то, что я не оставил сына, – каялся отец, – хорошо, что сразу мальчик получился, а то вон у Федора Вронского родилось шесть дочерей и лишь потом господь над ним сжалился, послал наследника фамилии.

Но я не готов губить свою жизнь на пеленки, даже перспектива, очутившись на том свете, держать ответ перед всеми предками меня не пугает. Да и поверить в загробную жизнь мне мешает здоровый скептицизм.

И зачем мне жена? К тому же у меня есть Николетта, которая со стопроцентной гарантией никогда не поладит с невесткой, даже если сыну удастся найти Белоснежку, Василису Премудрую и Золушку в одном лице. Сноха может рассчитывать на благосклонность Николетты-свекрови, если имеет многомиллионные капиталы, но мне претит роль любимой болонки при богатой женушке.

– Здравствуйте, – пропела Сонечка, – а мы вас ждем!

– Гр-бр-др, – пробурчал дядя Володя, потом он легко поднял два громоздких чемодана и вполне внятно поинтересовался: – Машина есть?

– Тут, рядом, – улыбнулся я, – меньше чем за минуту доберемся.

– Двигаем, – кивнул дядюшка и вышел в коридор.

Сонечка, быстро перебирая ножками в модных сапожках-валенках, потрусила за ним, я замыкал шествие, неся все тот же букет тюльпанов.

«Слава богу, – промелькнуло в голове, – сейчас устрою их в гостиницу, и весь день свободен».

Не успел я порадоваться, как Сонечка поскользнулась и уронила сумочку, та раскрылась, и из нее выпало зеркальце в золотой оправе.

– Ой, – расстроено воскликнула девушка, – разбилось!

– Ну вот, – не замедлил отозваться дядя Володя, – теперь нам всем семь лет счастья не видать!

– Что же делать? – встревожилась Сонечка.

– Надо осколки в воду кинуть, – безапелляционно заявил мужик.

Меня удивила его реакция: неужели неуклюжий, как медведь, дядька верит в приметы?

Сонечка носком сапожка швырнула осколки зеркальца в кучу мусора.

– Все это ерунда! – воскликнула она. – Наплевать.

– А вот и нет, – оживился дядя Володя, – это верная фенька, сейчас все пойдет наперекосяк.

И он споро двинулся вперед.

Сонечка взяла меня под руку.

– Пойдемте, дядя Володя жуткий брюзга, если начнет спорить, хоть караул кричи. Наверное, поэтому он три раза разводился, все его жены убегали от него.

Я посмотрел в спину Владимиру Ивановичу. И неудивительно, милейший дядюшка отнюдь не красавец и, похоже, не слишком деликатен.

Но, как это ни странно, примета сработала на все сто процентов. По названному адресу не оказалось никакого отеля, там находилась башня из светлого кирпича, за ней тянулся длинный семиэтажный жилой дом, а с правой стороны шумел Ленинградский проспект.

Мы с дядей Володией обежали здание раз пять, Сонечка терпеливо сидела в машине.

– Вы уверены в правильности адреса? – поинтересовался я у девушки, вернувшись к автомобилю.

– Да, да, – закивала Соня, – я сама, через Интернет, нашла отель.

– Так вам никто не рекомендовал эту гостиницу? – уточнил я.

– Нет, – растерянно ответила Сонечка, – мне не хотелось во всякие «Мариотты», там шумно. Я влезла в Инет, нашла частную гостиницу, всего пять номеров, и послала им заявку. Собственно говоря, это все!

– И ваша мама не проконтролировала вас? – уточнил я.

– Нет, – дернула плечиком девушка, – она не занимается бытовыми проблемами.

Я положил руки на руль. Милое семейство. Незнакомая мне Роза, очевидно, достойная компания Зюке, Люке, Маке и Коке, те тоже не способны даже чайник на плиту поставить. Хорошо, что дама сообразила дать наивной дочери в сопровождающие своего брата, хотя какой толк от дяди Володи? Похоже, он способен выступать только в качестве тягловой силы.

– И что нам теперь делать? – заломила руки Сонечка. – Дядюшка, придумай!

– Ну... э... да... о... – замычал родственник.

Тут у меня зазвонил мобильный.

– Вава! – воскликнула Николетта. – Я жду Сонюшку к завтраку, как только они устроятся, привози.

– Мы уже в пути, – радостно заявил я и включил поворотник.

В конце концов, я всего лишь шофер, какие могут быть ко мне претензии?

– Ах, деточка, – завохтала Николетта, обнимая Соню, – как мама? Ой, какое чудное колечко! Замечательный бриллиант! А это что?

– Тюльпаны, мне их Ваня подарил, – сообщила Сонечка.

Николетта испепелила меня взглядом и приказала гостям:

– Идите, мои дорогие, в столовую.

Когда Соня с дядюшкой удалились, маменька гневно прошипела:

– Вава! Ты...

И в эту секунду ожил мой мобильный, никогда я не бывал так рад звонку.

– Извини, Николетта, – воскликнул я, – работа! Побежал! Дела!

Маменька раскрыла рот, но я ужом выскользнул на лестницу и помчался по ступенькам вниз, не дожидаясь лифта. Согласен, подобное поведение отвратительно, но скажите, где альтернатива? Меньше всего мне хотелось сейчас оказаться в эпицентре скандала, который приготвила закатить Николетта.

Долетев до первого этажа, я быстро набрал домашний номер Егора и, услышав короткое «Алло», сказал:

– Прости, я сразу не мог взять трубку, как дела?

– Кто это? – странным голосом поинтересовался приятель.

Его вопрос вызвал у меня удивление.

– Это Иван Павлович, не узнал? Ты мне только что звонил.

Баритон покашлял и заявил:

– Вас беспокоил я.

Я изумленно спросил:

– Кто?

– Юрий Трофимов.

– Но на телефоне определился домашний номер Дружинина и...

– Егор умер, – перебил меня Трофимов.

– В каком смысле? Извините, я не понял.

– Господин Дружинин скончался сегодня ночью от обширного инфаркта, – повторил Юрий.

– Вы шутите? Это розыгрыш? – настаивал я.

– Нет, конечно, тело уже увезли в морг.

– Еду к вам! – закричал я и ринулся к машине.

Невесть почему в памяти ожила картина: Сонечка запихивает ножкой в мусор разбитое зеркало. Неужели не врет примета, обещающая семь лет сплошных несчастий?

Лена не вышла из спальни: судя по тяжелому запаху лекарств, жене Дружинина было плохо. Со мной разговаривал некий Юрий.

– Я лечащий врач Дружинина, – сразу представился он.

– Не знал, что у Егора есть семейный доктор, – невежливо отреагировал я на его заявление.

Юрий пояснил:

– Не все сообщают даже близким друзьям о проблемах со здоровьем.

– Как называется ваша клиника? – зачем-то уточнил я.

– Ничего оригинального, – спокойно ответил Трофимов, – «Айболит». На мой взгляд, смешно, но не я хозяин. Мы давно на рынке, впрочем, это не имеет никакого отношения к делу. Дружинин не один год страдал ишемической болезнью...

– Он гонял на мотоцикле, прыгал с парашютом, лазил по горам! – воскликнул я. – Спортсмен, тренированный человек...

Трофимов развел руками.

– Это все внешне, а внутри артеросклероз и куча проблем, начиная с повышенного холестерина. Бесполезно было уговаривать его беречься и не рисковать. Сколько раз я буквально умолял Егора не идти в горы, но он от меня отмахивался. Знаете его девиз?

– Лучше умереть по дороге к вершине, чем сидеть до ста лет в инвалидной коляске, – прошептал я, – он часто повторял эту фразу. Честно говоря, я полагал, что Егор просто рисуется.

Трофимов вытащил сигареты.

– Не возражаете? Мой подопечный мечтал скончаться на бегу, он очень боялся старости, зависимости от других. Насколько мне известно, даже жена не знала о его болезни, Дружинин не хотел казаться слабым. Но, увы, судьба распорядилась по-своему, он ушел из жизни ночью, во сне. Многие люди мечтают о подобном исходе, но Егор... Он бы выбрал авиакатастрофу или предпочел бы сломать себе шею, несясь вниз на горных лыжах.

– Чем я могу помочь Лене? – только и сумел вымолвить я.

Трофимов склонил голову.

– Думаю, вы бессильны, мужа ей не вернуть.

– Я имел в виду материальную сторону проблемы, – чувствуя дурноту, пояснил я, – похороны, поминки. Скажите, сколько надо.

Юрий положил мне руку на плечо.

– Давайте валокординчику дам?

– Спасибо, – сказал я, – не стоит.

– В контракт с «Айболитом» входит оплата ритуальных услуг, – пояснил Трофимов, – похороны завтра.

– Уже?

– Ну да, на третий день.

– Но он умер сегодня ночью!

– Егор скончался накануне в одиннадцать вечера, – пояснил Трофимов, – это первый день, сегодня второй, завтра третий. Ясно? Думается, он испытал сильный стресс, но, как всегда, не подал вида, почувствовав недомогание, и вот!

Пожалуйста! Если решите принять участие в погребении, приезжайте в воскресенье на Старое Наташкино кладбище.

– В Москве есть такое? – изумился я.

– Это в области, – сухо пояснил Юрий, – поселок Наташкино. Дружинин в свое время оставил четкие указания на случай своей кончины, расписал церемонию в деталях, там полно всяких странностей, но последняя воля покойного священна.

Я плохо помню, как приехал домой и упал в кровать.

Ночью я неожиданно проснулся и начал вертеться с боку на бок. Надо же, похоже, я совсем не знал Егора, хоть и дружил с ним много лет. Я считал Дружинина бесшабашным охотником за адреналином, а он, оказывается, был тяжело болен, готовился к смерти, оставил какие-то абсурдные распоряжения насчет похорон... Господи, чего он захотел? Развеять свой прах над рекой Ганг? Или отправить пепел в космос?

Полный дурных предчувствий, я задремал. Слава богу, что не забыл завести будильник, иначе не сумел бы попасть на похороны. Иногда судьба человека зависит от мелочей. Страшно подумать, что могло бы произойти, если бы внутренний голос не напомнил: «Иван Павлович, ты забыл о часах!»

Окрик был таким реальным, что я резко сел, схватил будильник, завел его и рухнул в пропасть недолгого небытия.

## Глава 4

Если вам приходилось принимать участие в погребальной церемонии, то вы знаете, какой пронизывающий холод всегда царит на погосте. Я не понимаю, с чем это связано, но даже в жаркий августовский полдень около разверстой могилы меня трясет в ознобе.

Старое Наташкино кладбище оказалось пасторальным сельским уголком. Небольшая площадка, на которой проводился прощальный обряд, с трудом вместила всех желающих отдать последний долг усопшему. Кто-то из организаторов похорон, похоже, взял на себя труд обзвонить всех знакомых Егора. Тут и там в толпе мелькали корреспонденты столичных изданий, я даже заметил пару телекамер. Удивляться вниманию прессы не приходилось. Егор был крупным предпринимателем и обладал не только большим капиталом, но и умением поддерживать отношения с самыми разными людьми. На вечеринках, которые устраивал Дружинин, запросто можно было встретить звезд шоу-бизнеса, видных политиков и рядом... скромного слесаря, который, починив трубы в квартире Егора, крепко подружился с хозяином. В Дружинине не было и капли снобизма, он ценил людей не за деньги или связи, его привлекали иные качества. Хотя, если быть справедливым, нельзя не заметить, что порой Егор окружал себя очень странными, на мой взгляд, личностями. Он сохранил детское восприятие мира, любую ситуацию Егор сначала видел в розовом свете, и лишь по прошествии некоторого времени эти розовые очки падали с его носа, и он искренне удивлялся.

– Скажи, Ваня, почему я не понял, с кем подружился? По какой причине дал мерзавцу денег? – или: – Зачем помог поднять бизнес уроду?

Мне оставалось лишь разводить руками и занудно повторять:

– Надо быть более разборчивым в связях.

Но мои наставления оказывались напрасными, Дружинин влюблялся в людей и в первые месяцы знакомства не замечал откровенного корыстолюбия приятелей, их подлости, желания использовать его. При этом как бизнесмен Егор был непотопляем, своих потенциальных партнеров словно просвечивал рентгеном. Иногда я удивлялся и спрашивал:

– Скажи, отчего ты не захотел иметь дело с N?

– Всем нутром чую, что он мошенник, – объяснял Егор, – несмотря на его безупречную репутацию и респектабельный внешний вид, внутренний голос мне шепчет: «Гоша, не связывайся с ним!»

Внутренний голос никогда не подводил моего друга в делах, но он отчего-то всегда замолкал, когда Егор уезжал из офиса, чтобы отдохнуть.

Дружинина любили журналисты за неконфликтный нрав, охотную раздачу интервью, обильные фуршеты и презенты. Егор не ссорился даже с теми, кто возводил на него напраслину, он лишь посмеивался, говоря:

– Пусть пишут, если я им интересен, значит, я на коне.

Похороны Егора стали важным светским событием, никогда крохотное кладбище не вмещало такого количества известных всей стране лиц, никогда на узком шоссе, ведущем к погосту, не стояла такая длинная вереница иномарок со скукающими шоферами внутри.

Я попытался пробиться сквозь толпу туда, где на обитом красной тканью постаменте стоял шикарный гроб из светлого полированного дерева. Крышка была откинута, мне бросилась в глаза совершенно неуместная обивка домовины: белая, шелковая, просто ткань для свадебного платья.

– Здравсти, Иван Павлович, – прошептал справа тихий голос.

Я повернул голову и увидел Зину Ротову, папарацци на вольных хлебах, всю увешанную фотоаппаратами.

– Добрый день, Зиночка, – кивнул я и тут же спохватился: – Извини за глупое приветствие, ничего хорошего в сегодняшнем дне нет.

– Почему вы в общей толпе, а не там? – поинтересовалась Зина, указав на ряд стульев в центре площади.

– Ну... не знаю... как-то неудобно лезть вперед.

– Ерунда, – решительно заявила она, – вы ж его лучший друг!

Не успел я охнуть, как активная Ротова ухватила меня за плечо и поволокла вперед, повторяя:

– Господа, пропустите родственника покойного.

В конце концов энергичная Зина допинала меня до цепочки парней в темных костюмах.

– Простите, к гробу приближаться нельзя, – вежливо сказал один из них.

– Это его брат, – ничтоже сумняшеся соврала корреспондентка, – спросите у жены!

Мне стало неловко. Маленькая, скрюченная фигурка Лены горбилась на стуле в отдалении от гроба. Около вдовы почему-то никого не было, мама Егора, Ольгушка, отсутствовала.

– Это его брат, – повторила Зина и толкнула меня вперед.

Охранник посторонился, я оказался на пустом пятачке, под прицелом множества взглядов быстро пробежал пару метров и сел около безучастной Лены. В то же мгновение откуда-то сбоку вынырнул Трофимов и, подойдя ко мне, сказал:

– Извините, но... ах, это вы! Сидите, сидите, Иван Павлович.

– Почему у гроба выставлено оцепление? – тихо спросил я.

Юрий сел рядом.

– Это воля покойного! Он строго-настрого запретил приближаться к гробу, никто не должен целовать покойного и подходить к нему ближе чем на метр, даже вдова. Еще нельзя приносить цветы. Видите вон там, в отдалении, куча букетов?

Я кивнул, Трофимов нервным шепотком продолжал:

– Мои люди отбирают цветы и складывают их поодаль.

– Странно, – вырвалось у меня.

– Да уж! – вздохнул Юрий. – А день-то какой! Солнечный, ясный, теплый, птички поют!

– Конец марта, – машинально ответил я.

– Сегодня первое апреля.

Действительно! Думаю, Егору бы понравилось, что его провожают на тот свет именно в День смеха.

Внезапно прозвучали совершенно неуместные, на мой взгляд, фанфары, и началась церемония прощания. Один за другим на трибуну, стоявшую вдалеке от гроба, поднимались люди и произносили слова, которые принято говорить на похоронах.

«Смерть вырвала из наших рядов», «Безвременно ушедший», «Осиротели», «Как же это, он был еще так молод», «Лучший друг», «Отличный начальник»...

– Иван Павлович, скажите речь, – попросил Юрий, – подведите итог.

– Нет, нет, – испугался я, – извините, не могу.

– Понимаю, – кивнул Трофимов, и тут случилось непредвиденное.

На голубое небо набежали свинцово-черные тучи, вмиг потемнело, да так, словно на дворе стояла глухая полночь. На асфальт упали первые тяжелые капли, сверкнула молния, грянул гром, и обвалился ливень. Но какой! Словно некто на небесах опрокинул вниз цистерну с водой, из туч рухнула стена дождя.

Толпа провожающих с визгом кинулась по машинам.

– Господа, – надрывался кто-то в микрофон, – временная остановка церемонии, продолжим через десять минут. Гроза быстро закончится.

Трофимов подхватил безучастную Лену и почти понес ее в здание небольшой церквушки, я же кинулся к гробу и захлопнул крышку. Откуда ни возьмись прибежали трое парней в черных костюмах и толкнули задрапированный

красной тряпкой постамент, он оказался на колесиках. Я бросился помогать охранникам, в мгновение ока мы докатили гроб до небольшого домика.

Оказавшись внутри скромно убранной комнаты, я начал трястись. Охранники быстро вышли, никто из них не произнес ни слова, а мне отчего-то стало не по себе. Мрачный зальчик, очевидно, предназначался для церемонии прощания с усопшими. Темные стены украшали венки из искусственных еловых лап, в правом углу висела икона. Тут только я сообразил, что Егора не отпевали в церкви и священник не стоял у его гроба. Дружинин никогда не был верующим человеком, насколько я знаю, он не посещал храм и не соблюдал посты, но ведь в нынешние времена принято приглашать батюшку даже к атеистам.

Озноб прошел, мне стало жарко, глаза уперлись в полированный ящик. Господи, неужели там Егор? Не может быть!

Повинуясь непонятному импульсу, я приблизился к гробу и взялся за крышку, она легко откинулась на петлях. Я вздрогнул, без всякого сомнения, это Егор. Вернее, Егора-то как раз и нет, есть его пустая оболочка, из которой ушла душа. Я не верю в загробную жизнь, но на похоронах всегда ощущаю некий дискомфорт. Отчего покойный кажется полым сосудом? Что покидает человека после кончины?

Я посмотрел в лицо Дружинина. Густо намазанная тональным кремом кожа, глаза, похоже, заклеены, губы тронуты помадой, на щеках чахоточный румянец, и волосы по-идиотски уложены, Егор никогда не зачесывал их назад. Местный гример изо всех сил пытался украсить умершего и добился поразительного эффекта: Дружинин выглядел весьма неестественно, но все же это он.

Крышка гроба открылась лишь частично, я видел только голову, шею и плечи и вдруг почувствовал беспокойство, занервничал и стал переминаться с ноги на ногу. Что-то не так. Но что? Егор казался мне просто спящим, а не мертвым. Мой взор зацепился за пиджак Дружинина. Ни разу я не видел Егора без авторучки, она всегда торчала у него из кармана. И вот сейчас ручки нет! Да и зачем она ему? Нагими приходим мы в этот мир, нагими из него и уходим.

Из глаз хлынули слезы, слава богу, в зале не было ни единой живой души, и никто не стал свидетелем моих рыданий. Дрожащими руками я расстегнул барсетку, вытащил ручку и сунул ее в карман покойному, потом, продолжая

всхлипывать, положил в гроб свой мобильный телефон, пачку бумажных носовых платков, расческу...

Почти теряя сознание, я поправил волосы покойного, его челка упала на лоб, я попытался уложить ее как надо, и рука моя не ощутила ледяного холода, лицо Егора было теплым. Оцепенев от страха, я замер над гробом.

Стукнула дверь.

– Господи, Иван Павлович, – воскликнул вошедший Юрий, – вы один, у открытого гроба! Ну кто разрешил!

– Он... теплый, – прошептал я, – лицо... волосы... упали... а...

Трофимов обнял меня и стал выталкивать из зала.

– Ваня, голубчик, – с жалостью уговаривал врач, – вам показалось, это истерика. Егор умер. А насчет тепла... Вы просто сами замерзли, вот вам и почудилось. Ну зачем, зачем вы трогали покойного? О господи! Эй, кто-нибудь, сюда...

Я плохо помню дальнейшие события, вроде бы появилась симпатичная девушка в белом халате, протянула мне рюмочку.

– Пейте, пейте, – велел Юра и почти насильно влил в меня темную жидкость.

Глаза медсестры были слегка раскосые, «японские», но не карие, а голубые... Вдруг они стали огромными. Я отчетливо увидел небольшую родинку на одном веке и то ли заснул, то ли упал в обморок...

Резкий звук прорезал крошечную тьму. Я машинально сел и охнул. Немилосердно болела голова, а во рту был мерзкий вкус, словно я поужинал протухшей кошкой. Несколько секунд понадобилось мозгу, чтобы оценить ситуацию. Я сижу на своей кровати в пижаме, на тумбочке разрывается от гнева телефон, не мобильный, а домашний стационарный аппарат, в окошечке определителя четко высветился номер звонившего, он мне хорошо знаком, вот только головная боль мешает сообразить, кто же меня беспокоит посреди ночи.

– Алло, – медленно сказал я, взяв трубку.

– Ваня, – донеслось из тьмы, – слышишь меня?

– Да, – подтвердил я, – это ты, Егор? Что случилось?

Не успев произнести последнюю фразу, я издал вопль. Сразу перестала болеть голова, я вспомнил все: известие о кончине друга, похороны, свою истерику, медсестру с раскосыми голубыми глазами и родинкой на веке...

– Ваня, – повторил Дружинин, – ты меня слышишь?

– Я умер?! Да? Скончался? Мне стало плохо на твоих похоронах, – зашептал я, оглядывая свою спальню, – но этого не может быть...

– Ваня, возьми себя в руки!

– Да, да, вы кто? Зачем прикинулись Егором?

– Это я и есть.

– Нет!!!

– Не бросай трубку!!! Вдруг не смогу дозвониться! Ваня! Это я!!! – заорал Дружинин. – Я попал в ужасное положение, мне страшно, я могу умереть! Помоги!

– Не может быть, – забубнил я, поражаясь сходству голоса шутника с голосом друга, – невероятно! Я сам видел твой гроб...

– Ваня, ты же заметил, что мой лоб теплый, а Юрка испугался, уволок тебя прочь и потом напоил снотворным.

– Чем? – тупо спросил я.

– Все потом! – закричал Егор. – Все объяснения позже, не ровен час связь прервется или батарейка сядет. Ты мне веришь?

– Нет, конечно, покойник не может звонить из могилы.

Из трубки прозвучал смешок.

– Ты даже и не представляешь, насколько прав! Помнишь Ригу, дом отдыха и девушку, рыжую... ну? Кто потом бегал лечиться, а?

Я онемел. Был, был в моей биографии неприятный случай, но рано или поздно любой мужчина может оказаться в подобной ситуации.

Мы с Егором поехали отдыхать в Латвию, которая для советского человека являлась почти границей, выпили и, уж простите, купили себе девушку, одну на двоих. Понимаю, что сейчас низко пал в ваших глазах, но из песни слова не выкинешь. Девушка оказалась умелой, а мы с Егором были под сильным градусом, поэтому, потеряв осторожность, забыли про изделие № 2, да и не опасался народ в то время СПИДа, боялись триппера. Через пару дней у меня и у Дружинина обнаружились неприятные симптомы, поход в туалет превратился в пытку... Завершилось наше приключение в кабинете подпольного венеролога, которого нашел Егор. Ни он, ни я, естественно, никому никогда не рассказывали о неприятной коллизии, просто сделали соответствующие выводы и стали осторожнее. И вот сейчас какой-то шутник голосом скончавшегося Егора напоминает мне о давно похороненном сюжете.

– Ну, пришел в себя? – поинтересовался знакомый баритон. – Глянь на определитель номера, прочитай его.

Я почему-то повиновался.

– Семьсот двадцать один, двадцать один...

– Во, во, – перебил голос, – узнал? Спасибо, что сунул сотовый мне в гроб, а то бы кирдык котенку!

У меня в башке словно взорвалась граната. Я сообразил, отчего так хорошо знаю цифры на определителе, это же мой собственный «красивый» номер, купленный расточительной Норой у телефонной компании. Свое мотовство хозяйка оправдывала очень просто:

– Я не способна запомнить много цифр кряду, каждый раз буду мучиться, пытаюсь соединиться с тобой, а так, заплатила всего-ничего, и все в порядке!

Я на самом деле, находясь на пике эмоций, положил в гроб сотовый, естественно, забыв вынуть сим-карту. Мобильный зарыли вместе с телом, и вот сейчас получается...

## Глава 5

– Ваня, очнись, – потребовал Дружинин.

Я громко икнул.

– Ты способен воспринимать действительность? – настойчиво вопрошал друг.

– Ты не умер!

– О боже! Потом все тебе объясню! Если не поторопишься, то тогда уж я точно окажусь на том свете! Кондиционер пока работает, тут все без обмана, но винты закручены, и телефона не оказалось... Немедленно езжай на Старое Наташкино кладбище.

– Сейчас ночь!

– До утра я могу не дожить, вдруг кондиционер сломается.

– Где?

– В моем гробу!

Я вцепился в тумбочку.

– Ты в могиле?

– Да.

– На погосте возле деревни Наташкино?

– Верно.

– Но...

– Ваня, – перебил меня Егор, – сейчас не время, все подробности потом. Главное никому ни слова! Дело следует проверить тихо.

Из трубки пошел треск – очевидно, батарейка стремительно разряжалась.

– Сюда, – пробивался сквозь помехи голос друга, – скорей... сарай... в нем лопаты... тут никого нет... кладбище не охраняют... Ваня, вытащи меня, умоляю, Ва...

Звук пропал. Я, впад в ступор, покачиваясь на краю кровати, прижимал к груди молчащую трубку. Потом в голове стало светлеть, борясь с тошнотой и головокружением, я ринулся к шкафу.

Ситуация выглядит абсурдно, покойник не способен разговаривать с живыми, я взрослый, трезвый, образованный человек, который не верит в потусторонний мир, чертовщину, привидения. Но... но о случае в Риге знали лишь мы двое, и у шутника имеется мой сотовый, и голос...

Боюсь, не сумею описать состояние, в котором я подъехал к ограде сельского погоста. Темень стояла – глаз выколи. Весна в этом году наступила рано, снег сошел в середине февраля и больше не выпал, а в конце марта вдруг резко потеплело, но меня, несмотря на погожую ночь, трясло крупной дрожью.

Многие сочтут меня идиотом, конечно, только ненормальный решился бы поехать на кладбище один ночью! Но кого я мог взять с собой? У меня много знакомых, но истинно близких друзей раз два и обчелся! И потом, мужчина, назвавшийся Егором, несколько раз воскликнул:

– Только приходи один!

Могила Дружинина была завалена цветами, я установил принесенный с собой фонарь, раскидал венки, увидел свежий холмик и перекрестился. Не могу объяснить, по какой причине осенил себя крестным знамением, до сих пор это не приходило мне в голову. Впрочем, в голову не пришло и прихватить лопату, но я вспомнил слова «Егора» про сарай, увидел у забора шаткое деревянное сооружение и обнаружил там заступ, лом, грабли и три топора.

Если вы полагаете, что копать землю легко, то ошибаетесь. Я провозился очень долго, перемазался, словно маленький ребенок, и устал, как собака. В конце концов показалась полированная крышка. Я вздрогнул и замер, до сих пор, раскидывая землю, я действовал будто под наркозом, теперь дурман вымело из башки, и мне стало ясно: я полный идиот. Как я мог поверить звонившему шутнику?! Слава богу, вид гроба отрезвил меня. Надо срочно засыпать могилу, иначе меня арестуют, есть в Уголовном кодексе соответствующая статья, про осквернение захоронений. И потом, там труп Егора! При этой мысли я чуть не грохнулся в обморок и принялся лихорадочно закидывать крышку землей.

И тут из гроба слышались сдавленные крики, стук... Поверьте, никому, даже самому худшему врагу, не пожелаю испытать то, что ощутил в ту минуту. Ноги подкосились, и я грохнулся на гроб. Забыв об осторожности, я заорал что есть мочи:

– Егор, ты жив?

– Трубка... – еле слышно донеслось изнутри, – сбоку, в креплениях.

Я пошарил руками по крышке и обнаружил нечто похожее на переговорное устройство на витом проводе.

– Егор! Ты жив? – завопил я.

– Да, – ответили из ящика, – вытащи меня отсюда!

– Сейчас, только сбегаю в сарай за топором.

– Стой, на крышке есть винты, выкрути их.

– Ты можешь дышать?

– Кондиционер пока работает, но уже плохо.

– Не волнуйся, я только к машине сбегаю, за отверткой! – проорал я.

По правилам, в каждом автомобиле обязательно должен находиться необходимый минимум всяких железяк, а я соблюдаю предписания.

Винты легко открутились, я с трудом поднял крышку и увидел, как «труп» начал медленно приподниматься.

– Отче наш, – вырвалось у меня из груди, – спаси и сохрани.

– Не идиотничай, – мрачно перебил меня Дружинин, – вот, блин, приключеньце. Хотя и задумывалось славно, да все пошло наперекосяк. Ну, Юрка! Интересно, кто карты спутал?

– Ты о чем? – спросил я.

Егор кашлянул.

– Как бы воспаление легких не получить, я хоть и в термобелье лежал, но ведь на столь длительное время не рассчитывал. Ты один пришел?

– Да, – заверил я, еле живой от переполнявших меня эмоций.

– Никому не натрепал?

– Кому же такое рассказать можно? – изумился я. – В психушку сразу упекут!

Егор потряс головой.

– Кружится, – констатировал он.

– Тебе надо срочно к врачу!

– Нет, это карзол, скоро пройдет.

– Кто?

– Ваня, надо торопиться, – стал командовать Егор, – значит, так, мне плоховато, придется тебе снова работать лопатой, да быстро!

Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я лихо вернул крышку на место и со скоростью экскаватора забросал яму землей.

– Венки установи, – командовал Егор, – могила должна выглядеть нетронутой.

Я, не чувствуя усталости, выполнил и эту просьбу и даже уложил поверх венков букеты.

– Класс, – сказал Дружинин, – где машина?

– У ворот, – ответил я, пытаясь унять дрожь в коленях.

– Пошли, – велел Егор.

Ощущая себя героем голливудского триллера, я двинулся за уверенно шагающим другом. Внезапно Дружинин покачнулся, я бросился к нему.

– Осторожно!

Егор замер, потом поднял правую ступню и показал пальцем.

– Видишь?

– Нога, – закивал я, – вполне здоровая.

– На ботинок взгляни.

– Хорошая обувь, только слишком легкая для... ой, подметка отвалилась.

Егор опустил ногу на землю, поднял другую, потряс ею и констатировал:

– И здесь отпала, видишь?

– Да, – протянул я, – качество никуда! Как же ты дойдешь до машины? Хочешь, я попробую дотащить тебя на спине.

– Нас... – выпалил Егор, – так дойду. Это все объясняет.

– Что? – я окончательно перестал понимать происходящее.

Но приятель уже мчался вперед.

Очутившись в машине, Дружинин стащил с себя мокрые грязные носки и пробормотал:

– Так, так, милый зайка! Ошибся ты! Ладненько, теперь будем играть по моим правилам.

– Куда едем? – с фальшивой бодростью воскликнул я.

– Хороший вопрос, – сказал Егор, – действительно, куда?

– Наверное, лучше в больницу, к врачу, – предложил я, – в клинику, как ее... «Айболит», к Юрию Трофимову.

– Ни в коем случае!

– Домой?

– Исключено, там же Ленка и мама!

– Ты хочешь оставить жену в неведении?

– Угу.

– А Ольгушку?

– И ее тоже.

– Но это жестоко! – вырвалось у меня.

– Почему? – спросил Егор, разглядывая свои голые пятки.

– И жена, и мать так переживают, они...

– Знаешь, где находится район Красной Пресни? – перебил меня Дружинин.

– Конечно!

– Рули туда, там дальше покажу.

– Но...

– Ваня, – устало сказал Егор, – меня хотели убить. Правда, до последнего я в этом сомневался, но, когда увидел отлетевшие подметки, сразу понял: Юрка знал, что мне в этих ботиночках не ходить, сэкономил, гад. Кто его перекупил? Сам бы он побоялся. Кто автор затеи? Сечешь?

Я ничего не понимал.

– Прости, Егор, но пока я теряюсь в догадках, не мог бы ты ввести меня в курс дела?

– Никому нельзя верить, – буркнул Дружинин, – вообще! Вон как все повернулось! Под подозрением все, кроме тебя.

– Спасибо, конечно, – усмехнулся я, – но чем я заслужил такое доверие?

Егор усмехнулся.

– Эх, Ваня, ладно, слушай.

Я уже рассказывал о любви Егора к экстремальным развлечениям. В свое время приятель перепробовал многое – в частности, гонял по Москве, наплевав на знаки и дорожные правила. Это называется «бензиновый оргазм». Собирается пяток ненормальных парней, ставят на кон по небольшой сумме, и вперед. Кто быстрее всех доберется из пункта А в пункт Б, тот и получит призовой фонд. Но на самом деле деньги тут играют минимальную роль, главное – азарт. Разбив пару машин и сломав руку, Егор охладел к гонкам и увлекся прыжками с парашютом. Чего он только не выделял! Последней его фенькой стало приземление в седле велосипеда. И опять Егор потерял интерес и к этому увлечению. Чтобы вновь ощутить кайф, Егор катался с гор на скейтборде и внутри огромного шара, носился по пустыне, плавал в озере с крокодилами, ел жаркое из грибов, куда были добавлены мухоморы, пробовал играть в русскую рулетку. В обычное казино он не ходил, там Дружинину было скучно. Вот полет на тарзанке вдоль шоссе, забитого грузовиками, приятно пощекотал ему нервы.

Испробовав все более или менее опасные забавы, Егор впал в депрессию. Ну не мог он жить как все: дом – работа – дом, а по выходным поход в кино. Дружинину легче было удавиться, чем превратиться в добропорядочного буржуа, тихо радующегося расширению бизнеса, заботливой жене и милым деткам.

– Я хочу гореть, а не чадить, – упорно повторял друг, жалуясь мне на скуку незадолго до последних событий, – этак скоро начну огурцы сажать.

– Займись чем-нибудь, – неосторожно предложил я тогда, – ну, к примеру... э... дайвингом.

– Не смейся, все уже было! – отмахнулся Егор. – Где мой адреналин?

И тут супругу на помощь пришла Лена, такая же безголовая, как и муженек. Еще до свадьбы девица рассказывала Егору, как, будучи студенткой, поспорила с однокурсниками, что проедет на велосипеде голой по Тверской в шесть часов вечера, в погожий летний день. Однокашники не сомневались: Лена струхнет. Ан нет, в назначенный час девушка, совершенно обнаженная, без всякого смущения села на велик и бойко порулила по центральной магистрали столицы.

Очевидно, от растерянности служба ГАИ не словила мышей, и экзальтированной красотке удалось под восторженные крики и свист прохожих добраться до Центрального телеграфа.

Леночка оказалась достойной спутницей Егора, она устроила супругу восхитительный день рождения в деревне Брусникино.

Дружинин оценил ее шутку и замучил жену вопросами:

– Кто помог тебе устроить пиршество? Привез угощение? Музыкантов?

Леночка сначала загадочно молчала, но потом раскололась. Оказывается, в столице существует некое агентство, оно организует дни рождения, свадьбы, корпоративные вечеринки. Но дополнительно, за немалые деньги, клиентам предлагают невероятные развлечения-розыгрыши. Например, один мужик захотел удивить свою тещу, и знаете что он придумал?

Каждое утро, когда мать его жены в халате выходила на балкон загородного дома, перед ее взором предстал слон, мирно купающийся в фонтане. Пенсионерка с криком:

– Там элефант! – бросалась в дом, тут же появлялась прислуга и констатировала: никакого животного с хоботом во дворе нет.

В какую сумму обошлись услуги дрессировщика, прокорм четырехногого великана и сколько отвалил зять, чтобы восстановить психическое здоровье бабули после того, как ей открыли истину, история умалчивает. Интересно другое: служащие агентства брались осуществить любые прихоти клиента,

вопрос был лишь в сумме, которую тот мог заплатить за свою причуду.

Егор пришел в восторг от новости и встретился с Юрием Трофимовым, одним из основных креативщиков конторы.

– Я хочу устроить такую первоапрельскую шутку, чтобы запомнилась навсегда, – захлебывался в экстазе Дружинин, – нечто грандиозно-невероятное! Эпохальное! Фантастическое!

Трофимов принялся фонтанировать идеями, но ни одна из них не пришлась Егору по вкусу. Тогда Юрий взял тайм-аут на неделю, а потом предложил такое, от чего у Дружинина захватило дух.

Егору предстояло умереть. Юрий брался устроить все: свидетельство о смерти, организацию похорон и поминки. Гроб будет с секретом: дорогая конструкция с подачей свежего воздуха из искусно спрятанного в днище баллона и переговорным устройством. Сценарий вкратце выглядел так. Вечером, около восьми, Егор должен был пожаловаться на боли в сердце и вызвать врача, под видом которого в дом приедет Юрий. Вместе с Трофимовым явятся еще два сотрудника агентства, им отведена роль санитаров или медбратьев. «Доктор» встревоженным тоном скажет Лене:

– Не нравится мне его состояние, посижу у вас некоторое время.

Лена, естественно, отведет «медиков» в столовую и предложит им чаю. Около десяти Юрий пойдет в спальню и констатирует «смерть» Егора. Санитары немедленно погрузят «тело» на носилки и увезут в «морг», а именно на конспиративную квартиру, где Егор будет ждать дня похорон.

Юрий же останется утешать Лену, он возьмет на себя все хлопоты по организации погребения. В сценарии имелись определенные шероховатости, но Егор надеялся, что плачущая жена не станет задавать лишних вопросов.

Рано утром первого апреля Егора уложат в гроб, который будет оснащен крышкой, приоткрывающей лишь лицо и плечи. В принципе, Дружинин мог бы при желании осторожно пошевелиться, но чтобы избежать ненужных эксцессов, Трофимов предложил сделать ему укол карзола.

– Это вполне безобидное средство, – пояснил Юрий, – его используют для перевозки нелегальных иммигрантов[1 - Действие лекарства описано правильно, название изменено по этическим причинам.]. Человек не испытывает после инъекции никаких потребностей: ему не нужно в туалет, он не чувствует голода, не чихнет случайно, а главное, совершенно спокойно переносит неподвижность. При обычных условиях мы часто меняем позу, но после укола карзола без напряжения можем пролежать на спине двенадцать часов. Это состояние напоминает сон наяву. Очень эффективное средство, но дорогое.

Егор согласился на укол.

– Лицо густо замажем тоном, пудрим, губы покрасим, – загибал пальцы Юрий, – нарисуем румянец, такой покойничек выйдет, пальчики оближешь. Глаза слегка подклеим, чтобы веки не дрожали, и букеты к гробу запретим подносить, чтобы аллергию не спровоцировать, ну и я не разрешу «труп» целовать. Дескать, такова последняя воля усопшего, не желает он ничьих прикосновений! Даже матери с женой отворот!

Когда крышку опустят, Егор включит систему кондиционирования, и гроб зароют в землю. Толпа отправится на поминки, а спустя час сотрудники агентства отроют «покойного». На случай форс-мажорных обстоятельств в домовину положат два мобильных, Егор легко сумеет соединиться с Юрием.

Представляете лица людей, когда в самый разгар поминок в зале появится абсолютно живой и здоровый мертвец?

– Вот это приколы! – завершил друг рассказ и глянул на меня: – Скажи, Ваня, стебная идея!

## Глава 6

Я в ужасе уставился на ухмыляющегося Егора. Он что, идиот? Псих? Дебил? Как еще можно назвать человека, способного на подобную шуточку? Дружинин подумал о жене, матери, обо мне? В конце концов, о приятелях, которые непременно придут помянуть нашего экстремальщика? Сколько инфарктов,

инсультов, гипертонических кризов могло произойти после явления «трупа» народу в зале ресторана? Какое количество людей лишилось бы чувств при виде ожившего покойничка?

– Такую шутку испортили, – сокрушался Егор, – народ бы никогда ее не забыл.

Я крякнул, вот это замечание в самую точку. Думаю, ни Лена, ни Ольгушка не простили бы мужу и сыну «милую забаву», да и большинство приятелей прекратило бы общаться с Егором.

– Но не удался фокус, – кручинился Дружинин, – факир был пьян. Ты меня слушаешь?

Я мрачно кивнул:

– Очень внимательно. И где же случилась осечка?

– А ты еще не понял?

– Пока нет.

– Ваня, ты того? Да? Кто меня откапывал?

– Ну я.

– Верно. А куда делся Юрка?

Я пожал плечами:

– Бог его знает! А где он должен был быть?

– Ваня! Каким местом ты меня слушал? – возмутился Егор. – По договоренности именно Трофимов должен был отрыть клиента.

– Действительно! – ахнул я. – Но почему он этого не сделал?

Дружинин уставился в окно автомобиля, помолчал пару минут, а затем протянул:

– Да уж. Что я пережил! Врагу не пожелаешь. Ну, давай по порядку.

Мало кто из людей может похвастаться фактом присутствия на своих похоронах. Вернее, человек всегда является центром внимания в момент прощания с ним друзей и родственников, но вот можно ли назвать это присутствием? Мы никогда не услышим слов скорби, не увидим слез на глазах у тех, кого считали врагами, не сядем за стол, не выпьем за упокой собственной души. Похороны – это нечто вроде рождения, человек уходит в иной мир и не способен поучаствовать в своем последнем бенефисе. Впрочем, может, оно и к лучшему, поскольку кое-кого поджидают не слишком приятные сюрпризы.

Итак, первая часть – «смерть» и отъезд из дома – прошла как по маслу. Егор лежал в своей спальне, вслушиваясь в то, что происходит за закрытыми дверями, но там отчего-то стояла напряженная тишина. Потом появился Юрий и шепнул:

– Теперь не шевелись, положим тебя в мешок, но ты не волнуйся, там дырки есть, воздуха хватит! Лена упала в обморок, с ней сейчас подруга, Маша Королева.

– Это соседка, – невесть зачем поправил Егор.

– Ш-ш-ш, – прошипел Юрий, – ты покойник, забыл? Молчи!

В «морге» Егор плотно поужинал и лег спать, следующий день он провел, смотря телевизор, и страшно возгордился, услышав, как один из каналов сообщил в новостях о его кончине.

Рано утром в день погребения Юрий сделал Егору укол. К тому моменту Дружинин был совершенно готов для роли покойника. Он надел шикарный костюм, белую сорочку, повязал галстук. Одежду Егор выбирал очень тщательно, он-то знал, что предстоит довольно долго лежать в тесном ящике, а потом мчаться на поминки. Гладить наряд времени не будет.

Дружинин хотел появиться на поминках, когда народ еще не напился и не собрался расползаться по домам.

Так вот, облачившись в шикарную пиджачную пару, Дружинин приблизился к гробу, внимательно изучил, как включать кондиционер, занес ногу, чтобы влезть в ящик, и тут сообразил: ботинки!

– Мы забыли про обувь! – воскликнул «покойник». – Не могу же я появиться перед людьми в домашних тапках!

Юрий хлопнул себя по лбу:

– Блин! Ну как я мог! Офигеть! Ладно, ложись, сейчас пошлю за штиблетами.

Егор, все-таки слегка нервничавший, лег в гроб. Несмотря на то, что Трофимов рассказывал о лекарстве, инъекция подействовала на Дружинина слегка одурманивающе. Нет, он не лишился чувств, довольно легко двигался, вполне нормально мог поддерживать беседу, вот только делал все медленнее, чем обычно, а в голове клубился туман.

Очень скоро Юрий вернулся с ботинками и обул Егора, потом сказал:

– Ну, поехали, закрывай глаза.

Егор смежил очи и почувствовал легкие прикосновения: Трофимов, как и обещал, подклеил ему веки – теперь Дружинин выглядел почти натуральным покойником. Для восприятия действительности у него остался только слух, увы, видеть происходящее наш шутник не мог.

Приключение внезапно показалось ему не слишком веселым, но очень скоро приступ депрессии прошел, потому что Егор получил истинное удовольствие: началась панихида. Вот уж когда «покойничек» повеселился, слушая речи заклятых друзей и конкурентов по бизнесу. Какую чушь несли люди! Оказывается, абсолютное большинство из них считало Егора потрясающим, честным, умным, великим, замечательным...

Оставалось лишь удивляться, почему присутствующие ранее столь тщательно скрывали свою любовь и по какой причине подставляли при каждом удобном случае бизнесмену подножку.

Дружинин искренне наслаждался панихидой, ему было тепло: под костюм он надел замечательное термобелье, а дно гроба было устлано специальным электрическим матрасом, работающим на аккумуляторе. Трофимов, похоже, предусмотрел все, единственное, что он не сумел организовать, так это хорошую погоду. Неожиданная для апреля гроза разразилась в самом конце церемонии. На лицо Егора упали тяжелые капли, послышался визг, и свет погас. Сначала Дружинин насторожился, но потом ощутил толчки и сообразил: гроб закрыли и увозят в помещение.

Так оно и было, чьи-то руки откинули крышку, и Егор услышал голос Ивана Павловича...

– Дальше можешь не рассказывать, – перебил я друга.

– Ты так искренне расстраивался, – воскликнул Дружинин, – что я был готов сесть и сказать: «Ваня, не плачь». Остановило меня лишь одно: ты бы...

– ...точно заработал инфаркт, – закончил я за него.

Дружинин хмыкнул.

– Нет, я подумал, что ты закричишь, выскочишь на площадь и испортишь мне всю малину.

Я прикусил нижнюю губу. Интересно, отчего никогда раньше я не замечал, насколько эгоистичен мой друг? Я наивно полагал, что он испугался за мое здоровье, но нет – Егора волновал лишь идиотский розыгрыш.

– Знаешь, что случилось после того, как ты сунул мне мобильный, авторучку и расческу? – спросил Егор.

– Нет, мне стало плохо.

– Вошел Трофимов, – словно не слыша моего ответа, продолжал Дружинин, – и, как я понимаю, сделал тебе укол. Во всяком случае, до моего слуха долетел странный звук, такой издает падающий мешок.

Затем Юрий заорал:

– Эй, сюда, человеку плохо!

Зашаркали ноги, раздались голоса.

– Осторожно, кладите его на носилки.

– Ой, это Иван Павлович.

– Вы его знаете?

– Конечно, конечно.

– Сейчас мы его домой отвезем.

– Бедняжка, он перенервничал.

– Никогда не был мужиком, вот и хлопнулся в обморок.

– Во, блин, идиот!..

Потом суматоха стихла, некоторое время царило молчание. Затем кто-то толкнул каталку вперед, Егор понял, что его везут к могиле. Когда крышка опустилась на гроб, Дружинин нажал нужную кнопку и услышал ровное гудение кондиционера. Оставалась последняя часть игры: скоро за «покойничком» должны прийти люди Трофимова.

Термобелье замечательно грело, электрический матрас бесперебойно работал, вокруг царила полнейшая тишина, и Егор неожиданно заснул.

Вам это кажется странным? А вот мне совсем даже нет. Дружинин – человек с железными нервами, один раз его накрыло в горах лавиной, тогда погибла вся группа лыжников, кроме Егора. В отличие от остальных, он не запаниковал, а, спокойно высвободив одну руку, сначала разрыл снег, чтобы открыть себе доступ воздуха, а потом ждал спасателей.

– Ты сделан из железа! – воскликнул я, услышав рассказ друга о снежном плене. – Почему не начал пробиваться наверх?

– При сходе лавины человек легко теряет ориентацию, – пояснил Дружинин, – тратит последние силы, пытаюсь, как ему кажется, вылезти на поверхность, но на самом деле закапывается еще глубже. Если уж тебя занесло, освободи чуток место вокруг лица и жди, не рыпайся. Не спи, не плачь, не ори, твердо верь – тебя спасут.

Он так вел себя, не имея никакой уверенности в том, что спасатели начали поиски. Так почему же Дружинин должен был нервничать в гробу с кондиционером, отоплением и двумя мобильниками? Вы бы сошли с ума от тревоги? Я тоже. Но ведь ни вам, ни мне не пришла в голову славная идея инсценировать собственную смерть!

Проснулся Егор в кромешной тьме, он сразу вспомнил, где находится, и удивился отсутствию Юрия. Некоторое время Дружинин осмысливал ситуацию, а потом осторожно отковырял пальцем клей от век и посмотрел на светящийся циферблат часов. Тут уместно сказать, что, собираясь в «последний путь», Егор велел оборудовать для себя очень большой и просторный гроб.

Стрелки показали... полночь. Егор не поверил своим глазам, зажмурился, потом снова уставился на циферблат. Вот длинная палочка с остреньким носиком чуть скакнула вперед и остановилась на отметке «12.04». Первоапрельская шутка по какой-то причине не удалась, поминки давно закончились, народ разъехался по домам, а те, кто еще сидит в шикарном ресторане, скорее всего, набрались по самые брови. В хорошо спланированном спектакле произошел сбой.

Дружинину стало не по себе. Что могло случиться? Но Егор был не из породы паникеров, поэтому он начал искать мобильники. Ему под руку попался аппарат, но это была не та трубка, которую приобрел Дружинин для связи с внешним миром. Егор – человек обстоятельный, поэтому велел Трофимову купить

навороченные модели, которые гарантированно смогли бы послать сигнал сквозь толщу земли, не разрядились бы сразу.

Сообразив, что держит в руке последний подарок Подушкина, Егор умилился и, решив после воскрешения подарить приятелю самый крутой мобильник, начал поиски других телефонов.

Он их не нашел! Ни одного! В душе поселилась тревога. Егор отогнал ее прочь и решил попытать счастья при помощи моего телефона. Если честно, надежды на то, что простенькая модель начнет работать в гробу, у него не было. Но все же Егор набрал номер Трофимова и услышал: «Абонент находится вне зоны действия сети».

Егор повторил попытку, в ухе раздался все тот же вежливый женский голос.

Вот тут страх охватил Дружинина. Ему в голову пришла жуткая мысль: что, если Юрий умер? Ну случился с ним сердечный приступ, и каюк! Кто, кроме организатора «похорон», в курсе того, что в гробу ждет освобождения живой человек? Да и сообщил ли Трофимов кому-нибудь правду? Оформляя договор, Егор строго предупредил Юрия:

– Никакой утечки информации!

– Исключено, – заверил его тот.

Значит, если с Трофимовым случилась беда, за Дружининым никто не явится. И, наверное, так оно и есть, иначе почему его до сих пор не вытащили?

Дружинин в отчаянии позвонил мне...

– Хорошо, хоть ты подошел, – мрачно говорил он сейчас, – иначе бы приключение закончилось грустно.

– Кхм, – дипломатично кашлянул я, – да уж... Что же теперь ты станешь делать? И почему не хочешь ехать домой?

Егор поднял ногу.

– А вот поэтому!

– Почему? – растерялся я.

– Не понял?

– Нет.

– Объясняю для умственно отсталых: в доме, где я переждал время до дня похорон, есть бюро ритуальных услуг. Я еще усмехнулся, когда увидел вывеску, очень смешным показалось мне такое совпадение. Юрий, мерзавец, купил мне там обувь для покойника, с картонной подметкой, сэкономил, гад! Я вручил сволочи тысячу баксов, понимаешь, не могу ходить в дешевой обуви. А этот... зарулил в магазин для мертвецов, приобрел хрен знает что, рублей за пятьсот, и разницу положил в карман!

– Но это же глупо!

Дружинин прищурился.

– Да? Ты так считаешь?

– Конечно, – засмеялся я, – неужели Трофимов такой дурак! Он что, не понимал: «покойничка» вынут из гроба, он сделает пару шагов, и все! Господин Дружинин устроит ему вселенский скандал.

– Ты попал в самую точку! – махнул рукой Егор.

– Что ты имеешь в виду?

– А то! Трофимов знал, что клиент не обнаружит обмана!

– Хочешь сказать... – ахнул я, – что он... тебя...

– Ага, – закивал Егор, – именно так! Думаю, дело обстояло просто. Трофимов, несмотря на мой строжайший запрет, сообщил кому-то о первоапрельской

шутке. А этот некто предложил мерзавцу огромные деньги, миллион баксов, к примеру, и Юрка дрогнул и согласился изменить сценарий.

– Как? – оторопев, поинтересовался я.

Дружинин скривился.

– Ваня! Одного не могу понять, каким образом ты успешно справляешься с ролью частного детектива! Покрути мозгами! Как подправить сценарий? Да не выкопать меня! Оставить в гробу! Идеальное убийство. Трофимов-то уже все устроил: свидетельство о смерти отдано вдове, ни Лена, ни моя мать ничего не заподозрили, похороны состоялись, водка на поминках выпита... Вот почему у меня не оказалось мобильных, и вот по какой причине Трофимов не побоялся подсунуть мне обувь для покойника. Юрий отлично знал – я навсегда останусь в гробу... Нам налево, здесь поверни!

Я машинально крутанул руль.

– Стой, – велел Егор, – там проезда нет, пошли пешком.

## Глава 7

Увы, я не принадлежу к тем людям, которые, испытав стресс, мгновенно приходят в себя. Мне требуется некоторое время для осмысления событий, а вот Егор моментально подстраивается под обстоятельства.

Он весьма бойко, правда, не так быстро, как всегда, шагал вперед, я плелся за ним, спотыкаясь о куски битого кирпича и торчащие из земли железные прутья. В голове гудело, уши словно заткнули ватой.

– Сюда, – приказал Дружинин, – второй подъезд, пятый этаж.

Я окинул взглядом затрапезную пятиэтажку и только сейчас догадался спросить:

– К кому мы приехали?

– Ко мне, – ответил Егор и, толкнув дверь, вошел в загаженное парадное.

– К тебе? – изумился я. – Хочешь сказать, что имеешь тут квартиру?

Дружинин спросил:

– Белкина помнишь? Фотографа?

– Семена? Конечно, но он умер, или... ой... он тоже?

– Не ерунди, – буркнул Егор, поднимаясь по заплеванным ступенькам, – Сенька спился. Последний год вообще плохой был, у него опухоль нашли, злокачественную.

– Я не знал.

– А никто не знал, – перебил меня Егор, – с Семеном люди давно общаться перестали, я на него случайно наткнулся, в метро.

– Ты? В подземке?

Дружинин кивнул.

– Я тогда в пробку попал, почти час простоял, понял – опоздаю на важную встречу, ну и спустился в метро, гляжу: на скамейке Сенька сидит. Поговорили мы. Он, как про болячку узнал, бухать бросил, да поздно. Денег нет, а бесплатная медицина сам знаешь какая. В общем, я его в клинику устроил, где он и умер в хороших условиях. Как человек ушел, и не под табличкой с номером лежит, а честь по чести, в личной могиле, с памятником.

Я воззрился на Егора, ей-богу, он не устает меня поражать! Он не подумал о десятках людей, которые схватятся за сердце при виде ожившего покойника, и пожалел Белкина, абсолютно маргинального субъекта, которому никто бы руки не подал!

– А после его смерти выяснилось, – слегка запыхавшись, сообщил Егор, – что Сенька мне квартиру завещал, так сказать, в благодарность. Че с ней делать, ума не приложу. Продать? Так она две копейки стоит, и вообще, чтобы продать, жилище в порядок привести следует, а мне недосуг ерундой заниматься. И вот сейчас халупа пригодилась, о ней никто не знает. Входи, Ваньша!

Егор остановился у обшарпанной двери.

– Она заперта, – сказал я.

Приятель пожал плечами:

– Вышибем, если ключа нет.

С этими словами он поднял руку и легко оторвал наличник, за ним открылась полость, я увидел гвоздик, а на нем колечко с ключом.

– Во, – констатировал Дружинин, – пожалуйста, висит себе. Семен придумал захоронку, потому что терял постоянно по пьяни ключи.

Очутившись в небольшой комнатенке, Егор плюхнулся на продавленный диван и велел:

– Значит, так, Ваня! Слушай внимательно! Я все обдумал и решил! Поживу тут!

– В этой грязной норе?! Но это невозможно!

– Почему?

– Ну... потому!

– Замечательный аргумент, – усмехнулся Егор, – сделай одолжение, не перебивай. Мне нужно во что бы то ни стало выяснить, кто задумал похоронить живьем господина Дружинина. Кто у нас такой кровожадный, а? Но для того, чтобы ты, Ваня, мог спокойно работать, я должен считаться покойником. Пусть организатор преступления чувствует себя в полнейшей безопасности: Егор на том свете, все получилось шоколадно. Квартира Белкина – лучшее место в

подобной ситуации. Во-первых, о ней никто не знает, во-вторых, район непрестижный, сюда наши общие знакомые не заруливают, в-третьих, соседи всегда пьяные, им наплевать на окружающих. Продукты я куплю... Кстати, Ваньша, насчет денег! Съездишь в одну контору, назовешь пароль – и тебе выдадут конверт. Не бойся, вопросов задавать не станут, ребята специализируются на выполнении деликатных просьб. Гонорар тебе заплачу отличный.

– Прости, не понимаю, о чем ты? – спросил я.

Егор потер нос.

– Фу, воняет тут, надо проветрить. О чем я веду речь? Есть офис, где у меня притырены денежки, так, на всякий случай, если понадобится энную сумму взять, не светясь. Ты получишь тугрики и купишь мне кое-что: спортивный костюм, белье, еду, книги, телик, а то я с ума от скуки сойду. Надеюсь, ты недолго провозишься!

– Если дашь список, то за день я управлюсь!

– Я не о покупках!

– А о чем?

– Ваня, найди моего убийцу!

– Но ты жив и...

– Ваня! Меня хотели убить!

– Навряд ли я сумею...

– Сможешь, я тебе помогу.

– Однако...

– Иван Павлович, – вздохнул Егор, – насколько я знаю, в твоей жизни есть одна проблема.

– Увы, их много!

– Глобальная!

– Какую ты имеешь в виду?

– Квартиру, – пояснил Егор, – наличие собственной жилплощади.

Я вздрогнул, вот уж не в бровь, а в глаз. Егор насыпал соли в открытую рану. Я, по сути, бомж. Нет, у меня имеется московская прописка, я родился в столице и всю жизнь живу здесь, но маленькая деталь: мои родные пенаты – это отцовская квартира, где проживает моя матушка Николетта. Основным побудительным мотивом для устройства на службу к Элеоноре было предложение ею мне личной комнаты. Существовать под одной крышей с маменькой я категорически не способен. Все годы секретарства я пытаюсь собрать деньги на личную нору, но, увы, цены на квадратные метры растут намного быстрее, чем моя зарплата. Иногда в голову закрадывается подлая мысль: что, если с Норой, не дай бог, случится неприятность, куда денусь я?

– Я бы с удовольствием купил тебе квартиру, – улыбаясь, словно змей-искуситель, продолжал Егор, – но ведь ты не примешь подарок.

– Огромное спасибо, – сказал я, – нет. Мы с тобой находимся в равных весовых категориях. Если я получу жилплощадь, то должен достойно отдарить, например, пригнать тебе «Бентли», но, к сожалению, у меня нет возможности делать столь щедрые подарки.

– Вот-вот, – закивал Егор, – зная тебя, зануду, я иное и не ожидал услышать, поэтому предлагаю: найдешь организатора покушения – и получишь в качестве гонорара двушку!

– Мне и однокомнатной хватит, – машинально ответил я.

– Не спорь, – нахмурился Егор, – значит, по рукам!

Я покачал головой:

– Нет.

– Ваня! – изумленно воскликнул Дружинин. – Ты не хочешь мне помочь? Что тебе мешает? Элеоноры нет, ты сидишь один, времени полно. Боишься не справиться? Так я помогу, надо начать с Юрия, прижать ему хвост и выяснить, почему он меня не откопал! Ваня, мне некому помочь! Я доверяю только тебе, знаешь, твой мобильный телефон, засунутый в гроб, убедил меня: ты никоим образом не причастен...

– Наверное, я неправильно высказался, – остановил я Дружинина, – попробую разобраться в этой истории. И считаю, что в первую очередь следует нанести визит Юрию Трофимову. Но я не приму квартиру и не возьму никакого гонорара.

– Ваня, – вскипел Егор, – ты идиот! Частный детектив берет за работу бабки!

– Я не владею агентством «Ниро», хозяйкой является Нора, она и решает, каким делом заняться. Кстати, я никогда не обсуждаю с заказчиком финансовые вопросы, это прерогатива Элеоноры.

– Но сейчас ты в отпуске, и я не простой клиент, а, смею надеяться, твой лучший друг, – вконец рассердился Егор, – попавший в беду! Неужели ты мне откажешь? Ей-богу, в этом случае я изменю свое мнение о человечестве.

– Безусловно, я прямо сейчас займусь этим вопросом, – улыбнулся я, – только, как ты правильно заметил, я в отпуске, следовательно, не могу брать гонорар.

– Глупости! Да это полнейшее...

– Егор, – пресек я излишества Дружинина, – неужели ты считаешь меня человеком, который способен взять вознаграждение за помощь другу?

Приятель осекся, потом встал, подошел к окну, посмотрел вниз и нервно воскликнул:

– И как только люди тут живут? С видом на помойку?!

– Многие были бы счастливы получить даже такую квартиру, – мягко возразил я, – если тут сделать ремонт, все будет не так уж плохо.

Дружинин побарабанил пальцами по подоконнику.

– Извини, Ваня! Если всерьез занимаешься бизнесом, рано или поздно начинаешь меняться, нечто в тебе появляется этакое...

– Думаю, ты абсолютно прав! – воскликнул я. – Давай мне координаты Трофимова, попытаюсь его найти в кратчайшие сроки. Кстати, в этой норе есть телефон?

Дружинин указал глазами на аппарат доисторического вида, громоздкий, черный, с наборным диском.

– Раритетная вещь! – восхитился я. – Интересно, он работает?

Дружинин снял трубку.

– Гудит, я оплатил телефон за год вперед вместе с коммунальными и прочими услугами.

– Давай номер.

– Я его не знаю, – растерялся Егор, – вернее, наизусть не помню, записан где-то. Вот что, сначала добудешь деньги, купишь мне сотовый...

Через час, обсудив в мельчайших подробностях план действий, я оставил приятеля в квартире, а сам спустился к машине, воткнул в свой вернувшийся с того света мобильный зарядку, завел мотор и тут же услышал звонок.

– Вава! – закричала Николетта. – Ну сколько можно спать! Немедленно приезжай. Мы с Сонечкой хотим...

– Прости, я занят!

– Чем? – завопила маменька. – Нора уехала, у тебя отпуск! Нет, это просто безобразие! Что ты себе позволяешь? Я несчастная, брошенная, жду не дождусь, когда у тебя появится минутка для матери.

– Уже еду, – сломался я.

«Несчастливая, брошенная» Николетта встретила меня на пороге, одетая в изящную шубку из щипаной норки.

– Мы с Сонечкой хотим пойти в магазин! – тут же воскликнула маменька. – Отвезешь нас в центр, да, милая?

Сонечка, натягивавшая туфли, закивала.

– Боюсь, у меня нет времени на поход по лавкам, – ляпнул я и съезжился.

Сейчас Николетта откроет рот, и оттуда полетят ядовитые стрелы, но маменька неожиданно ответила:

– Ты нам не нужен! Добросишь до магазина, и адью!

– Назад можно и такси взять, – воскликнула Сонечка.

– Потом разберемся, – заявила Николетта. – Пошли, Вава, сколько можно тебя ждать, я в шубе! Жарко ведь!

– На улице чудесная погода, – напомнил я, – тепло, солнечно, меховая доха тебе ни к чему!

Николетта скривилась.

– А меня знобит! И потом, манто не из целиковых пластин, оно связано.

– Как это? – удивился я.

Николетта махнула рукой, а Сонечка, надевая красивое черное пальто, воскликнула:

– Очень просто! Берут шкурки, обрабатывают их особым образом, потом нарезают на полоски и вяжут на специальных спицах. Получается легкое изделие, его можно даже летом надевать.

– Но зачем такие сложности? – недоумевал я. – Не проще ли купить трикотажную куртку?

Сонечка засмеялась, а Николетта воскликнула:

– Ну, что я тебе говорила, детка? Вава просто первый день творения. Подожди, ангел мой, сбегаю за носовым платочком.

Повернувшись на каблуках, Николетта испарилась, Сонечка улыбнулась и, поправив длинную белокурую прядь, сказала:

– Похоже, мама вас обожает! Только и разговоров о сыне! Вы, оказывается, писатель?

Я начал судорожно кашлять, а Сонечка, наивная душа, продолжала:

– Николетта рассказала мне о вашей книге. Очень, очень интересный сюжет. Прямо дух захватывает, я чуть не разрыдалась от жалости к вашей героине. Как ей не повезло с мужем! Мерзкий занудливый старик! Ясное дело, Анна не выдержала и полюбила молодого, красивого военного! Изменила мужу! Впрочем, что тут особенного! Да и чего этот супруг хотел со своим возрастом и брюзгливым характером? Зачем вы сделали так, что она призналась? Бегала бы к любовнику тихонько. А то ведь никакого счастливого конца! Бросилась под поезд! Ужасно! Я бы на такое не решилась! Хотя... Каренин у жены сына отнял... Нет, вы дико талантливый! Надо одному человечку слово замолвить, вполне вероятно, что он захочет снять фильм по вашему роману.

На секунду я замер с открытым ртом, забыв о кашле, но тут из спальни Николетты раздался крик:

– Ваня, помоги, не могу открыть ящик!

Я помчался на помощь.

– Который из комодов заклинило? – деловито осведомился я, влетев в душное, застеленное коврами помещение.

Николетта приложила палец к губам:

– Тсс.

Я оглянулся и шепотом поинтересовался:

– Что стряслось?

Маменька округлила глаза.

– Специально позвала тебя сюда! Господь услышал мои молитвы! Знаешь, кто такая Сонечка?

– Дочка Розы, сестры Фани, подруги Зюки...

– Ее фамилия Моргенштерн.

– И что?

– Вава! МОРГЕНШТЕРН! Понимаешь?

– Насколько я помню из курса немецкого языка, – забубнил я, – морген – это утро, а штерн – звезда, утренняя звезда, очень красиво!

– Дурак! – выпалила маменька. – Сонечка – дочка Якова и внучка Исаака Моргенштерна.

Луч понимания забрезжил в голове.

– Погоди, погоди... Исаак Моргенштерн, коллекционер, много лет назад уехал в Израиль...

– Он сбежал в Америку, – с горящими глазами перебила меня маменька, – уж и не припомню в каком году! Я была совсем ребенком, еще в школу не пошла! Ой, какой скандал был! Павел пришел домой и говорит: «Исаак-то что учудил, таким правильным считался, член КПСС, по заграницам катался, и тут! Ба-бах! Поехал с делегацией в Венгрию, оторвался от группы и напрямик в американское посольство». Да уж! Полетели тогда головы! Все партруководство Союза писателей разогнали, не уследили за Исааком! Проморгали врага! «Голоса» долго выли: «Моргенштерн выбрал свободу. Автор поэмы „Рабочий и колхозница“ сбежал в США»[2 - Под голосами Николетта имеет в виду радиостанции «Свобода» и «Голос Америки».]

Мне стало смешно. Николетта в своем духе. Только что спокойно заявила, что во время побега Исаака была почти пеленочным младенцем, и через пару секунд изложила разговор с моим отцом. Нестыковочка вышла. Либо маменька в те годы была неразумным дитячком, либо женой прозаика Павла Подушкина! А Николетта не замечала шероховатостей в своем рассказе и лихо неслась дальше.

Жена Исаака и его сын Яков остались в СССР, вот уж кто получил по полной программе, так это несчастная женщина с ребенком. Хорошо хоть к тому времени скончался Сталин и бедолаг не выслали в лагерь, как семью врага народа. В конце концов жизнь потихоньку наладилась, особенно после перестройки. Исаак, которого мучила совесть, приехал в Москву, он буквально засыпал свою семью подарками. В средствах Моргенштерн не нуждался, петербургские сплетники, закатывая глаза, рассказывали об уникальной коллекции картин Исаака и о его богатстве. А после смерти старика весь немалый капитал достался его единственной внучке Сонечке.

– Девочка наивна, – шептала Николетта, – ее одну никуда не отпускают, боятся. И правильно, я бы тоже берегла бутон стоимостью во много миллионов долларов. Больше всего Фаня с Розой опасаются, что Сонечка найдет себе неподобающего жениха, кого-нибудь из этих... современных жиголо, а тот объяснит девочке, что она имеет полное право самостоятельно распоряжаться

капиталом. Вот где беда!

– Сколько же лет детке?

– Двадцать шесть.

– Она выглядит на девятнадцать!

– Верно, а ума у нее на десять! Ты только посмотри на это!

Маменька протянула мне правую руку, указательный палец украшало большое кольцо с синим камнем.

– Я похвалила перстень, – тараторила Николетта, – без всякой задней мысли, а Сонечка его сняла и говорит: «Николетта, дорогая, возьмите, мне он совершенно не нравится, носите на здоровье».

Я крикнул, да уж, девушку с подобными замашками лучше не выпускать из дома одну.

– Роза наняла дочери телохранителя, – вещала маменька, – но Сонечка наотрез отказалась от мужлана. Возникла проблема, на этот раз ее согласился сопровождать в Москву Владимир Иванович, родной дядя, у него отпуск. Компренэ? Вава! Очнись! Слушай внимательно! Смотри мне в глаза!

Цепкой ручонкой маменька ухватила за лацкан моего пиджака и прошипела:

– Сонечка невинная девушка, душой и телом! Она дала обет выйти замуж один раз и навсегда. Бережет себя для мужа! Тот, кто ее... ну того... получит капиталы Моргенштерна! Сонечка спокойно передоверит деньги супругу. Вава! Это наш шанс!

– Ты предлагаешь мне изнасиловать молодую особу и заставить ее таким образом выйти за меня замуж? – решил уточнить я. – Боюсь, подобная роль не для меня!

Маменька посмотрела на дверь.

– Вава! Ты кретин! Я поговорила с Розой, она от тебя в восторге, мы согласны на бракосочетание.

– Осталась маленькая деталь.

– Какая? – воскликнула Николетта.

– Надо, чтобы я и Сонечка захотели пойти в загс.

– Ну, тебя никто и спрашивать не будет! – забыв про необходимость соблюдать тишину, рявкнула маменька.

Да уж, в этом я не сомневался!

– Навряд ли Сонечка столь послушная дочь, – попытался я охладить пыл Николетты.

Сколько раз маменька пыталась женить меня! Ей-богу, я сбился со счета! Правда, до сих пор у нее ничего не получалось, но дело не во мне, хотя я совершенно не горел желанием заполучить штамп в паспорте. Просто каждый раз отношения заканчивались по инициативе невест. Но, если честно, девушка с таким приданым встретилась на моем жизненном пути впервые. И Сонечка, в отличие от прежних кандидатур, хороша собой, вот только, похоже, глупа как гусыня!

– Зачем ты соврала Соне про сына-писателя? – спросил я.

Николетта поправила взбитые парикмахером кудри и состроила брезгливую гримаску.

– Вава! Ты мой позор! Приличной работы не имеешь, сидишь у матери на шее!

Я возмутился! Получаю отличную зарплату, занимаюсь любимым делом, поверьте, и общество «Милосердие», ответственным секретарем которого я являюсь, и служба в качестве частного детектива приносят мне глубокое удовлетворение. И потом, кто содержит Николетту? Дает маменьке деньги? Покупает ей еду, одежду, обувь? Или вы полагаете, что Николетта безбедно существует на муниципальную пенсию?

– Конечно, – горько вздохнула маменька, – есть на свете счастливые женщины, которые по праву гордятся детьми, ставшими президентами, великими актерами, музыкантами. Я, увы, нахожусь среди тех немногих бедняжек, которые, отказывая себе во всем, несут в зубах сына, перетаскивают его через валуны житейских невзгод, не получая взамен ничего! Вот она, святая материнская любовь!

Я прислонился к комоду. Дело совсем плохо. До сих пор Николетта старательно замалчивала факт наличия у нее великовозрастного дитятки. Маменька упорно сообщает окружающим, что ей чуть больше тридцати, и я никак не вписываюсь в биографию юной дамы. Конечно, люди знают правду, тем не менее слово «сын» Николетта старается не произносить, а мамой она запретила себя называть еще тогда, когда я не умел разговаривать. Маленький Ванечка пытался называть родную мать: Колетта, Киколетта, Нилетта... Как только я не коверкал тяжелое в произношении имя, но слово «мама» не произносил. Потому что не хотел получить оплеуху, отпущенную надушенной ладошкой.

– Немедленно прекрати подпирать мебель! – шикнула маменька. – Это же подлинный Павел[3 - Мебель времен императора Павла I.], с медальонами! Еще поцарапаешь! Да, мне пришлось сказать, что ты писатель, надеюсь, моя ложь сбудется и я смогу прямо смотреть людям в глаза, слыша за спиной: «Это мать популярного прозаика». Соня хочет выйти замуж за литератора, ей это кажется романтическим! Молчи, Вава, ты пень! Я буду действовать сама! Твоя задача не мешать мне! Кивай головой, соглашайся, выполняй мои приказы – и Сонечка со своими миллионами будет наша! Боже, я давно мечтала о небольшой вилле на юге Франции. Так, домишко без особых изысков, метров семьсот, не больше! Вава, кому сказано, отлепись от комода!

– Было глупо пересказывать девушке роман «Анна Каренина» Льва Толстого! – воскликнул я.

– Какой Толстой! – возмутилась Николетта. – Я сама придумала сюжет! С тобой невероятно тяжело! Хочешь иметь богатую жену?

– Нет!

– Что?!

– Я вообще не хочу жениться!

– А придется! – ажитированно воскликнула Николетта. – Нельзя быть таким эгоистом, думать лишь о себе, в конце концов...

– Ванечка, Николетта, – донеслось из прихожей, – вы нашли носовой платок?

– Да, солнышко, – прочирикала маменька, – уже бежим!

Она ткнула меня острым кулачком в спину и прошипела:

– Соня – дурочка! Лучше уж пусть она нам достанется, чем какому-нибудь подлецу, который ограбит ее и бросит!

Высказавшись, Николетта схватила с комода флакон с духами, щедро попрыскала на себя и вынеслась в коридор.

Чихая и кашляя из-за душного запаха парфюма, я поплелся за маменькой. Не следует считать меня мямлей, неспособным возразить окружающим. Но, тесно общаясь с Николеттой, я усвоил одну простую истину: открытой войной ничего не добиться, нужно проявлять осторожность и хитрость. Я не хочу жениться на Сонечке, мне претит роль альфонса при богатой жене, не желаю носить за ней сумочки и шубы. Только Николетта, услышав от меня категорический отказ, взбеленится – и прощай тихая спокойная жизнь. Сейчас, поняв, что сопротивление сына сломлено, Николетта успокоилась и будет окучивать Сонечку. Я же получил возможность заниматься делом Егора. Николетта вспомнит обо мне, лишь старательно удоблив почву рассказами о моих гениальных произведениях. Похоже, Сонечка провела все школьные уроки в коме, и маменька может спокойно пересказывать дурочке «Войну и мир», «Воскресенье» и т.п., потом плавно перейдет на Достоевского, Чехова, Бунина...

Ладно, о том, что будет потом, я подумаю завтра, незачем сегодня портить себе жизнь, думая о предстоящих трудностях. Мне всегда нравился анекдот про грузина, который, сидя в ресторане и поедая вкуснейший шашлык, услышал вопль приятеля:

– Гиви! Твоя теща умирает!

– Что ты говоришь, – покачал головой Гиви, – маме совсем плохо?

– Вай, вай, – закивал приятель, – сказали, завтра умрет!

Гиви спокойно доел мясо, запил его вином и покачал головой:

– Ай, ай, ай! Вот завтра горе будет! Вместе плакать станем! А сейчас, дорогой, ешь шашлык, пей вино, сегодня все хорошо! Горе у нас завтра!

Оставив Николетту и Сонечку в огромном торговом центре, я съездил в контору, получил деньги, потом отправился в сторону Дмитровского шоссе, нашел удобное место для парковки и набрал номер Трофимова. В ответ раздались длинные гудки.

Юрий не спешил к трубке, но аппарат явно находился в зоне досягаемости. Так и не дождавшись результата, я выкурил сигарету и поехал в фирму, устраивающую для своих клиентов экстремальные праздники.

Дела у конторы явно шли хорошо, офис выглядел пафосно, дорогая дверь из цельного массива дуба, латунная ручка, холл, выложенный полированным гранитом, помпезная хрустальная люстра и штук пять секьюрити в безукоризненных черных костюмах. Ни один из охранников не остановил меня, парни просто пробежались по фигуре потенциального клиента цепкими взглядами и ничего не сказали. Впрочем, пройти внутрь здания, минуя рецепшен, оказалось невозможно. За стойкой сидела очень красивая негритянка, облаченная в строгий офисный костюм. Чопорность наряда убивал его цвет, пронзительно голубой, кажется, у художников подобный колер называется «берлинская лазурь».

Темнокожая девушка оторвала взор от стола, и я ахнул, у нее были невероятной красоты глаза: глубокого фиалкового цвета, с большим зрачком.

– Чем могу помочь? – ласково пропела красотка. – Меня зовут Мальвина.

– Девочка с голубыми волосами, – вырвалось у меня.

– Скорей уж с голубыми глазами, – засмеялась Мальвина.

Понимая всю неприличность своего поведения, я, разинув рот, продолжал пялиться на негритянку. Есть мужчины, которые теряют рассудок при виде африканок, другие обожают азиаток, но я принадлежу к обширному отряду лиц сильного пола, вполне довольных общением с девицами европейского типа. Впервые в жизни меня поразила красота темнокожей девушки, до сих пор я не понимал истерики вокруг супермодели Наоми Кемпбелл. Слишком тощая жердь с неприятно толстыми губами и хищным взглядом избалованной кошки, нет, такая красота не по мне. Но от Мальвины невозможно было оторвать глаз.

Внезапно мне вспомнилась история, случившаяся очень давно, когда я, студент второго курса института, решив подработать, пристроился в строительный отряд. Рабочий из меня был никакой, гвоздь от шурупа я отличить не мог и особой физической силой тоже не обладал. В отряд комсомольца Подушкина взяли за редкостное умение договариваться с колхозниками, вернее, сельскими бабами раннего климактерического возраста, которые сидели в местных сельсоветах, занимая посты главных бухгалтеров или председателей колхозов. Мужики повсеместно пили водку, тетки были надежны и работоспособны, как владимирские тяжеловозы. Уж не знаю, по какой причине они расцветали улыбками, заметив на пороге долговязую фигуру студента Подушкина. Может, им нравился бисквитный торт, который я не ленился прихватить с собой, или восторгала моя манера общения? Приблизившись к столу начальницы, я шаркал ножкой и говорил:

– Здравствуйте, девушка, простите, я комиссар ССО[4 - ССО – студенческий строительный отряд.], зовут меня Ваней. Как можно встретиться с председательницей, Марией Ивановной?

Стокилограммовая нимфа краснела.

– Слушаю вас.

Я делал шаг назад и восклицал:

– Простите, бога ради, но вы такая молодая! Я думал, девушка-секретарь сидит! Извините, не хотел вас обидеть!

После этой обычной светской любезности мне удавалось подписать самый выгодный договор на постройку коровника или возведение километрового забора.

Если же при постройке «особняка» для буренок кто-нибудь из студентов начинал возмущаться моей леворукостью, командир немедленно орал:

– Заткнись! Гвозди всякий заколачивать умеет, а с бабьем дано беседовать только Ване! Ну, подумаешь, уронил тебе он на башку пару кирпичей, эка беда, глупей, чем есть, все равно не станешь.

Так вот, мы построили какие-то сараи в деревне под Тамбовом и решили отдохнуть. Благодарные пейзажи принесли нам самогон и нехитрую закуску. Граненый стакан мутной жидкости мигом свалил меня с ног. Впрочем, командир отряда Федя Бурлаков тоже продержался недолго.

Очнулся я в душной избе, в спертom воздухе злобно звенели мухи, а ватное одеяло впечатало меня в матрас. Охая и держась за разрывающуюся от боли голову, я поднялся и увидел Федьку, который сидел в той же позе на топчане, стоявшем у печки.

– Чего, сыночки, плохо? – с искренним состраданием пробасил кто-то.

Мы с Федором, не сговариваясь, повернулись к окну, откуда шел звук, и замерли.

– Это белая горячка, – прошептал Бурлаков, – надо бросать кирять! В дурку пора!

Я начал судорожно икать. У маленького окошка с цветастыми ситцевыми занавесочками стоял стол, накрытый клеенкой. В центре была досочка, на ней

черная чугунная сковородка с жареной картошкой, луком и салом, рядом на расстеленной газетке стояла банка с солеными огурчиками, чуть поодаль висилась бутылка. Меня сначала затошнило, но потом я увидел человека, который лакомился картошкой, и, не в силах совладать с собой, взвизгнул:

– Черт!

Огромный черный мужик положил на клеенку гнутую вилку и прогудел:

– Между прочим, мне обидно. Я не черт, а Михаил Иванович.

– Ты его тоже видишь? – дрожащим тенорком проблеял Федор.

– Ага, – простонал я.

– Значит, это не галлюцинация, – перешел на шепот Федька, – двоим одно и то же не привидится.

Ответить командиру я не успел, лишь тупо смотрел на антрацитного черного дядьку. Меньше всего я ожидал встретить в деревне под Тамбовом негра, преспокойно лопающего жареху.

– Папка, – заорали из сеней, и в комнату влетел прехорошенький негретеночек, – тама баба Мотя радио сломала! Починишь?

– Сейчас, Лешенька, – ласково сказал Михаил Иванович, встал и, почти касаясь курчавыми волосами потолка, с укоризной произнес: – Чаво уставились? У нас интернационал! Не черт я, а зоотехник. Мою прабабушку барин местный в том веке из Эфиопии выписал, очень уж ему хотелось в горничных арапку иметь. Сколько лет прошло, а кровь не разбавилась. Нас тут все знают. А вам за воротник меньше лить надо, студенты! Тьфу!

Тяжело ступая, Михаил Иванович ушел, мы с Федькой обвалились на матрасы.

– Уф, – выдохнул командир, – я думал, в ад попал! Нет, правда, хватит ханку жрать. Решено, возвращаюсь в Москву, женюсь – и никаких бутылок.

Я же сделал другой вывод из случившегося: любое, даже самое невероятное явление, как правило, имеет простое объяснение, но людям свойственно умничать, от того и неприятности.

– Чем могу помочь? – колокольчиком прозвенела Мальвина.

– Простите, – я вынырнул из пучины воспоминаний, – я ищу Юрия Трофимова, вроде он ваш директор.

– Трофимов? – сдвинула тоненькие бровки красавица. – Юрий? Не припомню такого.

– Он тут начальник.

– Нет, нет, – снова заулыбалась Мальвина, – фирмой руководит Олег Валерьевич, в заместителях у него Анечка и Леня. Никаких Юриев. Может, он в отделе рекламы работает? Одну минуточку.

Изящная смуглая ручка щелкнула рычажком. Я с удивлением отметил, что ладошка у Мальвины не розовая, а тоже темная, почти черная.

– Слушаю, – прохрипело из селектора.

– Леонид Михайлович, это Мальвина.

– Понял.

– Тут клиент пришел.

– Замечательно.

– Не знаю, к кому его направить.

– Спросите у него, какова цель визита, и отведите в соответствующий отдел. Если ему нужен детский праздник, то это к Родиону, он на время болезни

замещает Лену.

– Клиент ищет Юрия Трофимова.

– Кого? – искренне изумился Леонид.

– Юрия Трофимова, – слегка сбавив тон, повторила Мальвина, – говорит, что он наш директор.

Из переговорного устройства понесся то ли смех, то ли кашель.

– Проводите его ко мне, – велело наконец начальство.

Мальвина вскочила, она оказалась очень высокой, всего чуть ниже меня.

– Проходите, – пропела девушка, – вон туда, за зеленую дверку, окажетесь в большом холле, сделаете пару шагов и упретесь в дверь с табличкой «Л. Никодимов».

## Глава 9

Леонид приветственно поднялся навстречу мне.

– Прошу вас, устраивайтесь. Чай, кофе?

– Не откажусь, – улыбнулся я, – если можно чай.

– У нас отличный кофе.

– Извините, но я не люблю растворимые напитки, – я играл роль капризного клиента.

В конце концов, если человек решил заказать в этой конторе собственные похороны или нанять слона, дабы довести до сердечного приступа обожаемую тещу, он имеет право потребовать от администрации качественный напиток.

– Обижаете, – улыбнулся Леонид и склонился к переговорному устройству: – Мальва, кофе, для самых лучших заказчиков.

– Поняла, – пропищал динамик, – уже варю, на песке!

– Во! – поднял вверх палец Леонид. – Абсолютно верно! Настоящую арабику нельзя ставить на газ!

– Вы правы, – кивнул я, – песок – лучшая «грелка» для кофе.

– Что привело вас к нам? – мгновенно перешел к делу собеседник. – Вроде вы ищете кого-то?

– Вообще-то я хотел устроить бракосочетание. Событие, как вы понимаете, незаурядное, вот я и решил организовать его самым запоминающимся образом.

– Вы пришли по нужному адресу, – подскочил Леонид, – мы имеем огромный опыт по этой части. Господи, чего только мы не делали! Женили людей под водой, в самолете, на вулкане... Только в космос еще не летали, но лишь потому, что пока никто не заказывал подобное. Да! Ха-ха-ха! А разрешите полюбопытствовать, каков масштаб действия?

– Я не слишком богатый человек, – ответил я, – это должна быть скромная церемония, гостей, этак на...

Тут в кабинет, покачиваясь на высоченных каблуках, вплыла Мальвина. Красавица поставила поднос на край стола и начала снимать с него чашки.

– Если небольшой бюджет, то это лучше к Филиппу! – воскликнул Леонид. – Он у нас специалист по камерным церемониям. Ваша свадьба пройдет в лучшем виде.

Мальвина водрузила передо мной фарфоровую емкость, из которой шел восхитительный аромат.

– ...тысячи две, – спокойно завершил я начатую фразу. – Естественно, спецсамолеты, еда. С детства мечтал провести свадебную церемонию на Гоа. Понадобится отель, но еще раз подчеркиваю, я человек скромных привычек, невеста разделяет мои аскетичные взгляды, хотим гулять всего десять дней и ничего особого не потребуем. Естественно, для гостей все включено, типа напитков и услуг, а еще пусть будет фейерверк, торт, катание на слонах, в общем, никаких новорусских изысков. Думаю уложиться в пару-тройку миллионов. Долларов.

Леонид поперхнулся кофе.

– Многоуважаемый... э...

– Иван Павлович.

– Дорогой Иван Павлович, мы с огромной радостью возьмемся за решение проблемы! Когда торжество?

– Через три дня.

Леонид снова закашлялся.

– Но поймите меня правильно... визы... самолеты...

– Я плачу деньги. Хорошо, согласен увеличить оплату.

Мальвина, слегка покраснев, застыла посреди кабинета.

– Мальва, ступай на место! – рявкнул начальник.

– Поэтому я и обратился к вам, – нежно пропел я, – мне посоветовал один знакомый. Сказал, здесь служит Юрий Трофимов – настоящий кудесник!

– Ваш приятель ошибся, – слишком быстро заявил Леонид, – господин с подобным именем никогда не переступал порога этого офиса.

– Вполне вероятно, – прищурился я, – что вы просто не знаете всех служащих по именам!

– У нас не так уж много специалистов, – заулыбался Леонид, – они выдают креативные идеи, пишут сценарии. Мы привлекаем к осуществлению идей много внештатников. Постоянные сотрудники – абсолютно проверенные люди, я лично изучал и проверял анкету каждого. Понимаете, нам неприятности не нужны. Ваш знакомый ошибся, у нас нет Юрия Трофимова.

– Странно, – протянул я, – он специалист по экстремальным забавам.

– Что вы имеете в виду? – напрягся собеседник.

– Ну... об Юрии мне рассказывала еще одна подруга. Она решила устроить мужу супер день рождения. Позвонила супругу, сообщила, что ее якобы похитили, муж ринулся в заброшенную деревню, вошел в покосившуюся избушку, и тут вспыхнул свет, в комнате оказался стол, гости...

– Вполне обычная шутка, – с явным облегчением заявил Леонид. – Нечто подобное мы совершали многократно, идея одна: внезапность торжества в неожиданном месте, вот только исполнение разное. Пару дней назад мы выполнили заказ одной дамы. Ее супруг проснулся и ничего не понимает. Отошел ко сну в своей спальне, а открыл глаза в замке семнадцатого века! Кровать с балдахином, горит камин, перед ним медвежья шкура, вместо унитаза у ложа, пардон, горшок. Вошла горничная в домотканом платье, говорит на невесть каком языке, вместо завтрака принесла невероятный набор: мясо, вино и куски серого хлеба. Из окна видны поля и крепостная стена, во дворе замка рыцари на лошадях. Через час клиент окончательно поверил: он чудесным образом оказался в Средневековье. А еще был заказ на гарем! Восточные красотки, бассейн, халва. Почему-то подобные забавы особенно нравятся дамам. Я уже говорил: мы выполним любой ваш каприз.

– Отлично! Хочу, чтобы мою свадьбу организовывал Трофимов!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

## Примечания

1

Действие лекарства описано правильно, название изменено по этическим причинам.

2

Под голосами Николетта имеет в виду радиостанции «Свобода» и «Голос Америки».

3

Мебель времен императора Павла I.

4

ССО – студенческий строительный отряд.

----

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/piknik-na-ostrove-sokrovishch>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)